

POBECCHIK⁴ 1987

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Апрель, 1981 год, № 4

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ
РЕПОРТАЖИ, ОЧЕРКИ,
ИНТЕРВЬЮ**

Вам не знаком этот парнишка в солдатской шинели? Павка Корчагин? Ну конечно, это он! А может быть, у него другое имя и форма другая, а в дуле винтовки алая гвоздика? Ну конечно, это он, герой португальской революции, завоевания которой сегодня пытается перечеркнуть реакция. Или, может быть, родина его — Никарагуа, поверженный враг — диктатор Сомоса и американский империализм? Ну конечно, это он, боец сандинистского фронта! Вы угадали и не угадали, потому что все они так похожи — дети разных народов, в разное время и в разных концах планеты поднимающиеся с оружием в руках на защиту своей революции. На первой странице обложки фотография одного из них — молодого афганского солдата молодой революции, свершившейся три года назад, 27 апреля в Афганистане.

Фото В. ВЯТКИНА

4. СМОТРИТЕ

- 6. Макс Леон. КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
- 9. Шеймас Филан. ПОЧЕМУ Я НАПИСАЛ ЭТУ СТАТЬЮ...
- 12. П. Шютт. ГЛАВНОЕ — ЭТО, КОНЕЧНО, ЛЮДИ
- 15. Н. Чугунова. КОГДА ВНОВЬ НАСТУПИТ УТРО...
- 20. Майк Давидов. ВСЕ ВМЕСТЕ
- 23. Джордж Плимптон. ИГРЫ МОСКВЫ
- 25. Патриция Ломброзо. ПАТЕНТ НА ДНК
- 26. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
- 28. Л. Переверзев. РАЗОРВАННОЕ ВРЕМЯ

Главный редактор А. А. НОДИЯ

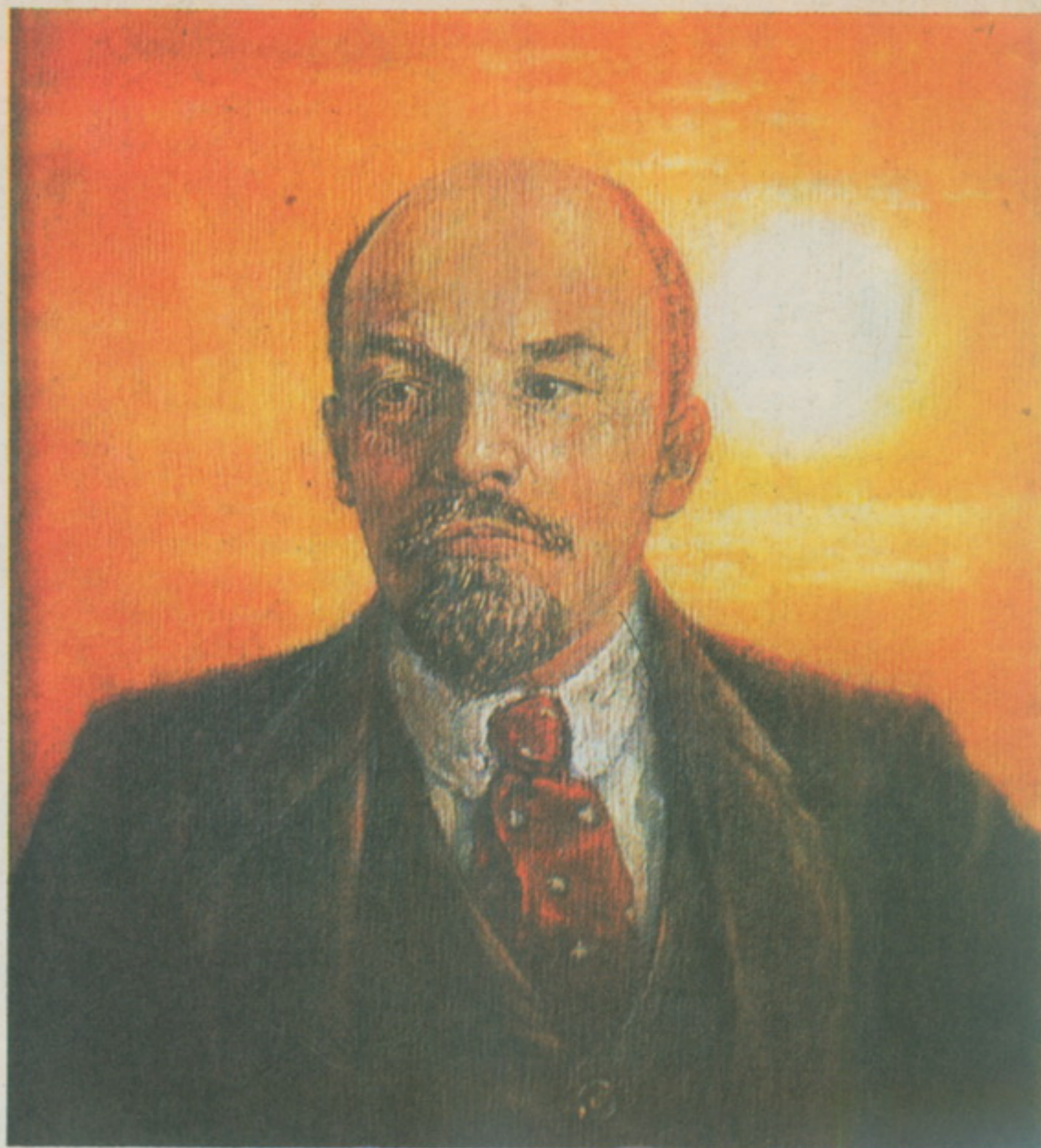
Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССАРОВ [зам. главного редактора], В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА [ответственный секретарь], Б. А. СЕНЬКИН.

Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 19.02.81. Подп. к печ. 31.03.81. А01349. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 1 220 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 160.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцневская ул., 21.

Портрет В. И. Ленина работы
непальского художника
Бал Кришна САМЫ

Спасибо, Ленин,
за силу и за знание,
спасибо за стойкость,
спасибо за Ленинград
и за бескрайние поля,
спасибо за сражение и за мир,
спасибо за обильную пшеницу,
спасибо за школы,
спасибо за маленьких
солдат-гигантов,
за воздух, который я вдыхаю
на твоей земле,
который непохож на воздух
других земель:
он — как простор благоуханный,
он — электричество из облаков энергии.
Спасибо, Ленин,
за воздух, хлеб, надежду.

Пабло НЕРУДА. Из «Оды Ленину»

Перевод П. ГРУШКО

**ДВАДЦАТЫЙ ВЕК ПРИНЕС С СОБОЙ БОЛЬШЕ ПЕРЕМЕН, ЧЕМ ЛЮБОЕ ПРЕДШЕСТВО-
ВАВШЕЕ ЕМУ СТОЛЕТИЕ. И НИ ОДНА СТРАНА НЕ ВНЕСЛА В ЭТИ ПЕРЕМЕНЫ БОЛЕЕ ВЕСО-
МОГО ВКЛАДА, ЧЕМ СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК — РОДИНА
ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ, ПЕРВАЯ СТРАНА ПОБЕДИВШЕГО СОЦИАЛИЗМА.**

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева «Отчет
Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза
и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики».

ХАНОЙ. В беседе с советским корреспондентом секретарь ЦК СКМ Хо Ши Мина товарищ Чан Фьонг Тхак отметил, с каким воодушевлением встретила молодежь республики советские мирные предложения, выдвинутые в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. «Вьетнамская молодежь,— сказал он,— полностью поддерживает новые мирные инициативы Советского Союза, ибо, пережив долгие годы кровопролитной войны, всеми силами стремится к миру, к мирному строительству.

ПРАГА. Решения XXVI съезда КПСС получили горячую поддержку демократического студенчества мира. Генеральный секретарь Международного союза студентов Шринивасан Куналан заявил: «Студенчество всего мира отвергает гонку вооружений. Мы хотим, чтобы наши знания служили народам наших стран и всему человечеству. Эти цели и стремления являются основой всей деятельности МСС. Новый импульс нашим стремлениям и нашей борьбе придают мирные инициативы, провозглашенные товарищем Л. И. Брежневым на XXVI съезде КПСС».

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

АДЕН. Большой популярностью среди молодежи Народной Демократической Республики Йемен пользовалась выставка советских книг, посвященная XXVI съезду КПСС. На ней была широко представлена политическая, научно-популярная, художественная и детская советская литература на арабском языке.

БЕРЛИН. В одной из детских библиотек столицы ГДР появился новый отдел, пользующийся большой популярностью у посетителей. Здесь вы можете выбрать и взять с собой домой или в школу на два-три месяца понравившуюся вам... картину. А потом обменять ее на следующую. Работники этой необычной библиотеки картин устраивают выставки, беседы об изобразительном искусстве, воспитывают в школьниках понимание и любовь к живописи.

На снимке: юные посетители художественного отдела.

БУДАПЕШТ. Генеральный секретарь Всемирной федерации демократической молодежи Миклош Барабаш в интервью корреспонденту ТАСС сказал: «Особо важное значение имеют новые предложения, сделанные в докладе товарища Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС по сдерживанию гонки вооружений, предотвращению ядерной войны, распространению разрядки на другие части планеты — предложения, направленные на оздоровление международной обстановки и являющиеся органическим продолжением советской Программы мира».

МЕХИКО. Мужественная борьба народа Сальвадора против реакционного правления хунты, поддерживаемой американским империализмом, пользуется солидарностью всех прогрессивных людей мира. В Мексике во многих городах прошли многочисленные демонстрации в поддержку Фронта национального освобождения Сальвадора имени Фарабундо Марти.

На снимке: демонстрация солидарности с борьбой народа Сальвадора в столице Мексики.

На этом развороте и на последующих страницах «Ровесника» воспроизведены фотографии, опубликованные в специальном номере американского журнала «Тайм», посвященном нашей стране.

Познакомившись с ними, читатель «Ровесника» узнает знакомые картины своей Родины, повседневные приметы своей жизни, труда, быта. Да, они такие, эти приметы, и мы, советские люди, такие, какими запечатлены на фотографиях американских корреспондентов. В данном случае фотообъектив не лжет, фиксируя с документальной точностью то, что есть.

Иное дело слово. В устах людей, которые не могут позволить себе честное служение правде, слово становится ядовитым оружием буржуазной пропаганды, извечная задача которой вопреки очевидным фактам оболгать, посеять неприязнь, подвергнуть сомнению достижения первой страны реального социализма.

И вот американский читатель специального номера журнала «Тайм», посвященного Советскому Союзу, прочтя сопровождающие фотографии материалы, обнаружит, что ему не следует верить глазам своим, потому что лгут, оказывается, фотографии, — в действительности все наоборот.

Нам трудно судить, насколько подвержены американские читатели внушению, насколько магия слова сильнее запечатленных фактов, однако убеждены, что сопоставление утверждений писак из «Тайма» с фотографиями из того же «Тайма» не только возмутит читателей «Ровесника», но позволит нагляднее представить, что же это такое — буржуазная пропаганда. Какое же это грязное, бесстыдное и подчас неуклюжее дело! (См. стр. 6, 10, 12, 14, 16, 19, 21.)

смотрите!

**12 АПРЕЛЯ —
ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ
20-ЛЕТИЕ
КОСМИЧЕСКОГО ПОЛЕТА
ЮРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА
ГАГАРИНА**

**Макс ЛЕОН,
французский журналист**

Человек в космосе! Человек вернулся из межпланетного пространства!

12 апреля 1961 года.

Вместе с Юрием Гагариным, первым космонавтом в истории человечества, мы пережили потрясающие часы, поделенные на двадцатиминутные отрезки моментами наивысшего восторга, когда диктор передавал сообщения космонавта, пролетавшего над Америкой, над Африкой или начинавшего спуск к месту посадки в СССР.

На Москву под слабо светящимся серым небом мягко падал снег. Играли во дворах малыши. Открывали свои двери магазины, и вдруг по всей стране разнесся голос Московского радио, транслировавшийся на все заводы, во все колхозы огромной Страны Советов. В одну и ту же минуту на Дальнем Востоке и в Якутии, в горах Кавказа, в шахтах Донбасса, на стройках Ангары, в Ленинграде, где сорок четыре года назад началась революция, создавшая эту страну, повсюду были слышны крики: «Здорово!», «Молодцы!» Тысячи и сотни тысяч телефонных звонков раздались в учреждениях и квартирах. Люди приветствовали друг друга одним словом: «Поздравляю!» Постепенно каждый начинал осознавать, что переживает исторический момент.

В десять часов утра диктор Московского радио торжественным тоном произнес на всех волнах, по всем радиопрограммам Советского Союза: «Внимание!» В большинстве домов радио было включено по старой привычке советских людей оставлять его на слабой мощности. Почти тотчас на центральных улицах и на Красной площади в Москве, на Невском проспекте в Ленинграде, в Киеве и в Таллине стали собираться прохожие, образуя плотные, компактные чуть не до давки группы. Бежали студенты, криками выражая свой энтузиазм. Женщины, да и мужчины плакали от радости. Дети вопили победное «ура!». «Правда» и другие газеты напечатали специальные

Репортаж из книги Макса Леона, бывшего московского корреспондента газеты «Юманите» «СССР: знакомый и неизведанный», написанный в апреле 1961 года.

выпуски. Телевидение и радио делали ежеминутные сообщения о полете, передавали обращение КПСС и те отклики на полет, которые приходили из всех уголков страны и со всего света. На маленьком экране время от времени появлялась одна из фотографий первого в мире космонавта с обаятельной улыбкой, завоевавшей все сердца. Ученые и рабочие, домохозяйки и студенты выступали перед микрофонами и телекамерами, делясь своими впечатлениями: каждый по-своему приветствовал победу, одержанную этим утром Советским Союзом, всем человечеством.

Подвиг советских ученых поднял мир на новую ступень цивилизации. Перед нами такой, как и все, человек, конечно же, наделенный необыкновенной выносливостью и прекрасный специалист, но ничем не отличающийся от многих своих товарищей, и вот этот человек рассказывает о своем путешествии и описывает пейзажи. Исполнилась мечта многих поколений. Для того, что он говорит, уже не хватает не только повседневного словарного запаса, но и научного словаря. Придется придумать новые слова, чтобы говорить о космосе с позиции путешественника, а не отдаленного наблюдателя.

После первых восторгов начались страстные дискуссии. Потом заговорили о Жюле Верне. Как это странно! Мы сразу перенеслись в другую эпоху. Целый литературный жанр из научно-фантастического превратился в детскую литературу, за исключением нескольких произведений, содержащих гениальные пророчества. Представим себе Леонардо да Винчи, рисовавшего несколько веков назад летательные машины, тщательно указывая характеристики крыльев и стабилизаторов. И Жюль Верна, скрупулезно консультировавшегося с тысячами ученых, прежде чем приступить к написанию своих романов. И все равно тогда никто не мог знать, что его герои неизбежно бы погибли, если бы попытались открыть иллюминатор во время путешествия. И Циолковского, отца спутников, уже в начале века предлагавшего модели межпланетных кораблей, не подозревая, что жизнь так скоро подтвердит правильность его предвидений.

СРАВНИТЕ:

На снимках из журнала «Тайм»: вверху: карта энергетических ресурсов Советского Союза; зал генераторов Братской ГЭС; стартовая площадка космических кораблей «Союз»; внизу: ночная уборка хлебов на Алтае; завод фрезерных станков в Грузии.

Выдержка из статьи в журнале «Тайм»:

«Советская экономика переживает серьезный упадок».

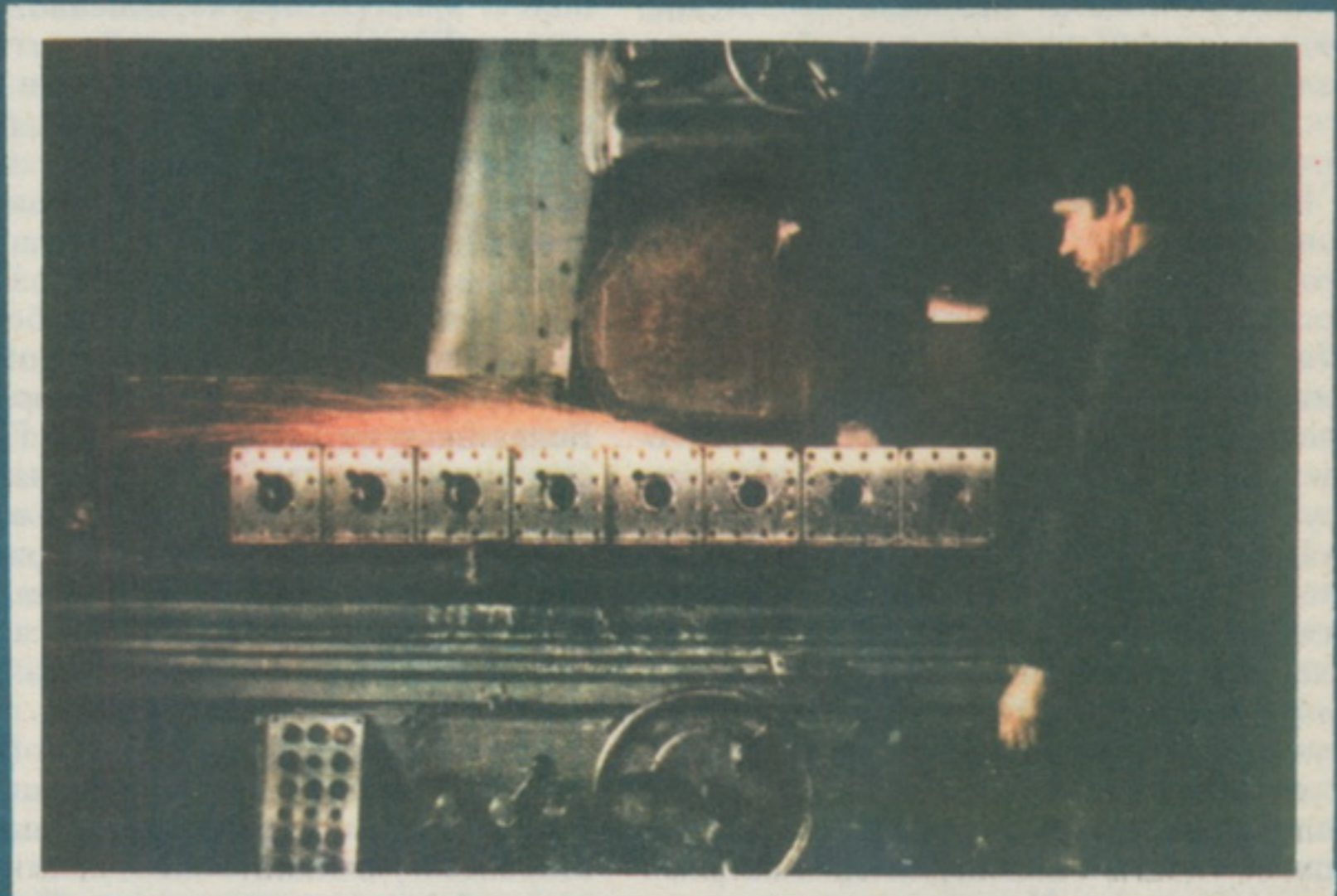
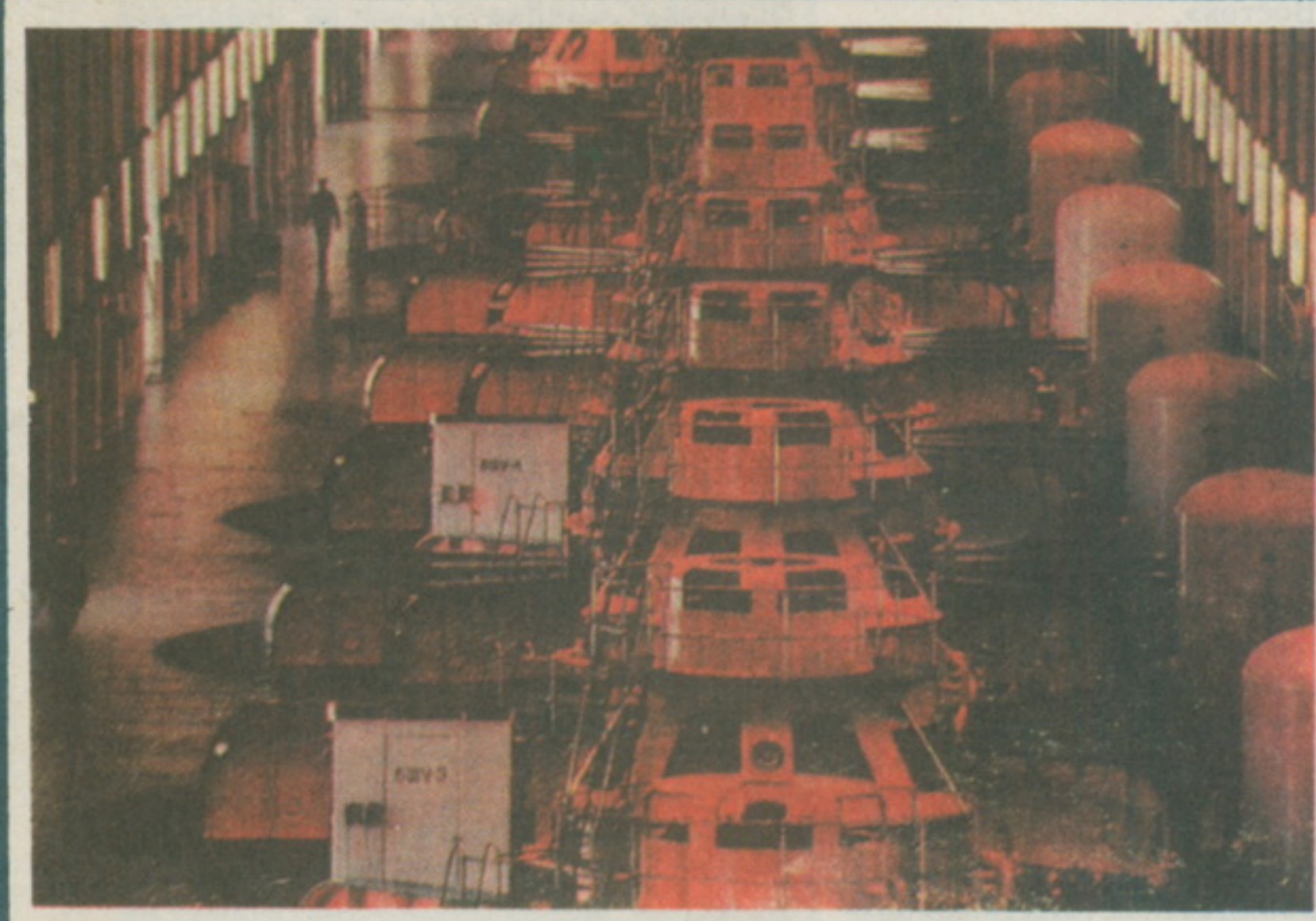

Победа, которую, возможно, больше, чем где-либо в мире, празднуют сегодня в Москве, не только победа техники, которую всегда могут одержать люди. Это победа человеческой мысли, разу-

ма следующих одна за другой цивилизаций и, конечно, общества, в котором больше, чем в любом другом, торжествует разум; общества, не раздраемого неразрешимыми противоре-

чиями. Если победа над космосом была подарена советскими людьми всему человечеству, если первый человек космоса — русский коммунист, то это потому, что Страна Советов сумела

внушить миллионам людей любовь к исследовательской работе и дала им возможность заниматься ею. Социализм позволил открыть в народе тысячи, сотни тысяч личностей, ставших талантливыми инженерами и учеными. Социализм сумел скоординировать действия исследователей в лабораториях и инженеров на заводах. Он смог в нужный момент собрать необходимые материальные и прочие ресурсы, бессмысленно не растратив усилий на конкуренцию между частными или общественными организациями. Планирование исследований, как и планирование экономики, позволило двигаться в нужном направлении с минимальными потерями, полностью используя в определенный момент полученные результаты, с тем чтобы развивать открытие дальше. Уже в начале 50-х годов советские ученые начали испытания ракет, несущих живые существа. Уже тогда две собаки совершили путешествие Земля — воздух — Земля на высоту сто километров, то есть в недалекие от Земли районы, где плотность воздуха почти сводится к нулю. Но этот полет, так же как и полеты американских ракет с обезьянами, состоявшиеся несколько лет спустя, нельзя считать космическими полетами. И только в 1957 году, с первого полета живого существа, собаки Лайки, начались непосредственные приготовления к пилотируемому полету в космос.

С тех пор примерно за три года были сделаны гигантские шаги с научной и технической точек зрения, в темпе, еще не виданном в истории. От первого спутника, весившего 84 килограмма 600 граммов и запущенного на месяц раньше спутника с Лайкой, до сегодняшнего полета человека советские ученые систематически разрабатывали более мощные ракеты.

13 апреля 1961 года. Двести миллионов советских граждан переживают необыкновенные часы, и в особенности москвичи, ожидающие с минуты на минуту возвращения Юрия Гагарина, совершившего первый космический полет. Есть основания полагать, что завтра мы встретим наконец Гагарина и услышим от него, может быть, величайшее откровение века, неслыханный рассказ о его полете вокруг Земли. Встреча пилота в столице станет одной из самых грандиозных манифестаций. Московский государственный университет освобождает тысячи своих студентов от занятий. В честь космической победы 14 апреля будет произведен салют — двадцать артиллерийских залпов в Москве и городах-героях. Своего апогея празднества достигнут, несомненно, 1 Мая, когда, в чем можно быть уверенным, космонавт появится на обрамленной знаменами и полотнищами Красной площади рядом с советскими руководителями.

Волнение все еще велико, в том числе и в западных кругах, где, за исключением нескольких горемык, пишущих в бессильной злобе о проблемах домашних хозяйек, охотно признают глубину успеха советской науки и техники наряду с успехами экономики. Это волнение питают и идущие по телевидению научные фильмы с ракетами на стартовых площадках, и иллюстрируемые фотографиями факты из детских лет Гагарина. Сегодня показали звукооператоров, ловивших своими сложными аппаратами голос космонавта, прорывающийся через космический треск, а также карты Центра управления, расчерченные, как головоломки, на сектора, пронумерованные: 17, 18, 19... На них отмечен путь, пройденный кораблем-спутником «Восток».

А потом нам стали близки и все члены семьи Гагарина: отец, говоривший: «Иди всегда вперед, сынок!»; сестра Зоя, воскликнувшая: «Это наш самый счастливый день!»; брат, шофер, приветствовавший его раскатистым: «Молодец, Юра!»; и Валя, жена, ничего не знавшая о приготовлениях к полету и предупрежденная о нем в день его осуществления, которая плакала и смеялась, слушая сообщения из космоса; и Лена, ничего, конечно, не понимавшая двухлетняя девочка, разглядывавшая фотографии своего отца в газетах, стараясь при этом не помять большой бант в волосах.

В то время как советские дети поголовно играют в космонавтов, взрослые интересуются реальными техническими условиями осуществленного полета. Первые данные, которые удалось собрать, позволяют считать, что полет прошел безукоризненно. Сообщения ТАСС подтверждались голосом самого Гагарина, его звуковые послания неоднократно передавались по всем программам радио. Это были чрезвычайно волнующие свидетельства, в которых, несмотря на их несовершенство, частично вызванное поэтапной передачей, можно было различить большую часть слов и особенно «хорошо!», звучавшее триумфальным лейтмотивом. Вслед за этим все узнали, что Гагарин очень хорошо перенес спуск на парашюте и что он самостоятельно выбрался из спускаемого аппарата до того, как люди приблизились к его космической ракете, приземлившейся в одном из районов СССР. Гагарин быстро заметил вдали группу людей, привлеченных спуском парашюта, и бодрым шагом направился к ним. Трудно сказать, кто был больше взволнован. Несколькими мгновениями позже в ближайшей деревне, куда его доставили на вертолете, Юрий встретился с одним из своих друзей-летчиков. Мощь их объятия свидетельствовала как о здоровье одного из них, так и о здоровье другого.

Так очень быстро подтвердились

прогнозы, сделанные учеными в результате предварительных исследований. За несколько дней до этого академик Парин, участвовавший в приготовлениях к полету, говорил мне: «Я вам с полной ответственностью заявляю, что отправка человека в космос не будет иметь ничего общего с авантюрой. Мы не хотим поставить рекорд. С точки зрения биологии, мы полностью уверены в том, что состояние здоровья пилота после завершения полета будет хорошим».

Ученые уже пришли к заключению, и академик Василий Парин подтвердил мне это, что ни шум, ни вибрация не окажут большого влияния на космонавта, прошедшего предварительную тренировку в специальных камерах. Перегрев корабля также не представлял большой опасности благодаря найденным средствам защиты от него. Перегрузка, вызванная ускорением и торможением, переносима, когда она нарастает постепенно. Неизвестно было, как будет себя чувствовать космонавт в условиях невесомости в течение значительного времени — полет 12 апреля длился 1 час 48 минут. Во время дополетных экспериментов удавалось искусственно создать условия невесомости для человека в лучшем случае в течение нескольких десятых секунды.

«У нас нет ни малейших опасений в этом плане», — говорил академик Парин. При этом он добавил: «Даже если невесомость окажет отрицательное воздействие на пилота, он все же вернется на Землю благодаря автоматическим аппаратам. Эксперимент представляет все же огромный интерес: сможет ли человек в невесомости делать четкие движения, чтобы, например, отрегулировать какие-нибудь механизмы, включать приборы и так далее. Каково будет влияние невесомости на психологическое состояние пилота, на его способность ориентироваться?»

Юрий Гагарин может сегодня ответить положительно на эти вопросы, имеющие огромное значение для будущих космических исследований.

Таким образом, первый советский эксперимент стал законченным производением мастера. И это потому, что все шансы терпеливо сводились на одну чашу весов, в сто раз больше шансов, чем это было необходимо.

На Западе ходили слухи об экспериментах с управляемым полетом, якобы предшествовавших двенадцатому апреля, а некоторые мрачные шутники уверяли, что их приборы зарегистрировали бешеный ритм сердца, бьющегося в космосе. Эти слухи безосновательны. Я получил официальное подтверждение Президиума Академии наук СССР, что полет Гагарина был первым полетом человека в космос, что до этого дня не предпринимался ни один пилотируемый полет в космос.

14 апреля 1961 года. Советская столица восторженно встретила сегодня первого космонавта, и до позднего вечера миллионы ликующих москвичей приветствовали поэтов, читавших на площадях свои стихи, выступающие в свете прожекторов ансамбли народных танцев и украсившие Кремль и набережные Москвы-реки огни салюта. Можно и нужно описать тысячи огней, горы цветов, шествия и песни славы. И приемы в роскошном театральном обрамлении бывших царских палат. И огромные толпы, состоящие из сотен тысяч рабочих и студентов, женщин и детей, взгромоздившихся на отцовские плечи.

Но самым прекрасным в этом необыкновенном празднике был обмен взглядами между Гагариным и толпой, между молодым и робким героем и его совершенно потрясенной женой. С момента прибытия во Внуково и до приема, данного в тот же вечер в Кремле руководителями Коммунистической партии и правительства, было отчего закружиться самым крепким головам. Гагарину сказали, что будут воздвигнуты его статуи, что имя его будет бессмертно, а он оставался просто человеком, молодым человеком, даже, можно сказать, небольшого роста. Он опустил глаза, когда ему казалось, что энтузиазм его сограждан слишком велик для него одного, затем снова улыбался, и каждый воспринимал его улыбку как очень теплый и добрый привет близкого человека. Будучи первым в мире космонавтом, он хотел остаться тем, кто честно выполнил свой долг благодаря прежде всего ученым, инженерам, рабочим, создавшим прекрасную машину, которой он управлял, благодаря народу, благодаря полувекowym подвигам этого народа, позволившим ему, сыну рабочего, учиться, стать летчиком — пионером завоевания космоса.

Прием был достоин события, а герой был достоин своего народа. Москва все организовала прекрасно. Я хотел всюду следовать за космонавтом, вернувшимся на Землю, и был вынужден провести час в толпе, из которой нельзя было выбраться. Каждое лицо в этой толпе, легко переходившее от счастливого смеха к слезам, было само по себе волнующим зрелищем. Сам Гагарин, стоявший на трибуне Мавзолея на Красной площади, с трудом сдерживал волнение. Наверное, слышать громовое «ура!» миллионов людей было для него труднее, чем встреча с межпланетным пространством.

Ведь это правда, что с 12 апреля все изменилось, что мы стали другими, что мир приобрел новые размеры. Подвиг Гагарина, который придаст крылья исследователям для завоевания новых миров, является также источником новых подвигов и энтузиазма в сражениях за построение на земле окончательного мира, за полное разоружение, за создание в СССР изобилия благ, необходимых для построения коммунизма.

Шеймас ФИЛАН,
ирландский журналист

«**О**ткуда вы?» — интересовались все. «Из Ялты, — отвечал я. — Двухнедельный отдых». — «Но ведь это, кажется, в России?» — спросила с недоумением одна женщина. — «Где снег и все такое?»

Вместе с пятьюдесятью другими ирландскими туристами я только что возвратился с отдыха, который был одним из лучших в моей жизни, и сгораю от желания рассказать вам об этом. Однако сначала необходимо преодолеть заблуждения в отношении Советского Союза, которые были у меня до поездки и которые вы, конечно, разделяете, если не были там сами.

Первое заблуждение состоит в том, что западным туристам якобы трудно попасть в СССР. В действительности вы просто идете в туристическое агентство и заказываете путевку, как и при поездке в любое другое место. Оформление визы сходно с оформлением документов для поездки в США, только оно проходит значительно проще; и после того, как вы заплатили деньги, вы отъезжаете, почти разочарованные обыденностью происходящего.

Во-вторых, вы, вероятно, думаете, что советские люди необщительны, осмотрительны и даже боятся разговаривать с западными визитерами или что вам будет позволено встречаться только с определенными людьми и посещать официально дозволенные места.

В действительности большинство советских людей с удовольствием разговаривают с иностранными туристами. Достаточно пойти на улицу, на пляж или в кафе и поздороваться. Вы нигде не встретите более теплого и радушного приема. Несомненно, помогает то, что вы ирландец. Конечно, существует языковой барьер, но большинство советских людей знают, по крайней мере, несколько английских слов, а каждый третий знает достаточно для того, чтобы объясниться. Вы можете ходить куда

ПОЧЕМУ Я НАПИСАЛ ЭТУ СТАТЬЮ...

вам только хочется в пределах разумного. Во всяком случае, никто не запрещал нам идти туда, куда нам хотелось, разговаривать с тем, с кем нам хотелось, смотреть то, что нас интересовало.

Третье заблуждение, которое бытует среди большинства ирландцев, состоит в том, что они считают СССР Россией. На самом деле в Советском Союзе есть еще 14 республик.

Советский Союз не социалистическая утопия, как некоторые могут предполагать. Кроме солнца, песка и моря, мы обнаружили общество, о котором не знали почти ничего, а то, что, по нашему мнению, мы знали, было в основном неверным.

Двухнедельная поездка из Ирландии в Ялту включала проживание в гостинице «Ялта», одной из лучших в СССР, и по желанию предлагались дополнительные поездки в Москву и Ленинград. Местные гиды сопровождают вас во время экскурсий, однако, если пожелаете, вы можете сами организовать собственный досуг.

Я решился на это путешествие с 13-летним сыном почти моментально, как только увидел объявление в газете «Айриш таймс». Я всегда хотел посетить Советский Союз, чтобы увидеть своими глазами, что он представляет собой в действительности.

Пятьдесят ирландцев в нашей группе составляли пеструю смесь. Это были консервативные бизнесмены, дублинские докеры, домохозяйки, студенты, строители, люди свободных профессий и новоиспеченный адвокат. Их возраст колебался от девяти лет до пенсионного, и они представляли все четыре ирландские провинции, в том числе чету из Белфаста.

Древние греки любили Ялту, и легко понять почему. Ее называют жемчужиной Крыма. Царь и богатейшая русская

знать имели здесь летние дворцы, и весь район был закрыт для простых смертных. Сейчас это наиболее популярный курорт в Советском Союзе, и все дворцы открыты для посетителей.

Перед туристами встает большой вопрос: провести две недели в солнечном Крыму или проехать лишние 1000 миль на север, чтобы увидеть Москву и Ленинград? Восемнадцать из нас решили, что нельзя быть в Советском Союзе и не увидеть его два главных города.

Мне понравилась Москва, по поводу которой больше всего злословят. Я слышал, что ее называют серой и однообразной, и все еще не могу поверить, что кто-то мог дать такое определение городу со сверкающими куполами собора Василия Блаженного и Красной площадью.

Всем, кому нравятся дублинцы, должны понравиться и москвичи. Они такие же по обличью, и им не чужды земные интересы. Они так же любят задушевные песни и шумные застолья. За два дня мы побывали на двух вечеринках и на свадьбе, которую мы покинули, когда она была еще в полном разгаре.

Конечно, отведенный нам срок был слишком короток, чтобы посмотреть любой город, но мы ухитрились поехать по Москве, побывать в Кремле (который, кстати, открыт для всех желающих, что меня удивило), посетить Мавзолей Ленина, ВДНХ, московский цирк, посмотреть классический балет и балет на льду. И если вы захотите узнать, как мы уместили все это в два дня и три вечера, я не смогу вам ответить.

Затем в Ленинград. Если Москва — голова Советского Союза, то Ленинград — его сердце. Этот город действительно вызывает у людей чувство волнения. Именно здесь, в колыбели революции, Ленин возглавил борьбу за первое в мире государство трудящихся. В то время не было ни одного серьезного комментатора, который бы верил в то, что оно продержится даже шесть недель. Но прошло 60 лет. Царизм и его защитники сметены на свалку истории. Революционные события и героическая оборона против сил германского фашизма во время второй мировой войны вызывают у советского народа особую гордость за Ленинград. Жители города показывают все вокруг с несомненным чувством хозяев.

Двух дней смехотворно мало, чтобы даже попытаться посмотреть город, где каждая улица и площадь — живая легенда. Тем не менее удивительно, сколько можно успеть посмотреть за несколько дней при большом желании.

После осмотра Ленинграда мы самолетом Аэрофлота отбыли в Ялту, к солнцу.

Лучшим временем всего отдыха для меня были встречи и беседы с советскими людьми — на пляже, в автобусе или метро, в барах, ресторанах и кафе. Ирландцам, видимо, оказывалось особое гостеприимство. «А, ирландец, — говорили люди. — Добро пожаловать».

Советское общество предстало в совершенно неожиданном свете. Я предполагал встретить замкнутых, бедно одетых людей, все еще пытающихся преодолеть последствия битвы за выживание и разрушений военных лет. Вместо этого я увидел страну с бурлящей жизнью, с вырастающими повсюду новыми зданиями и людей, уверенных в своей правоте, готовых обсуждать любую тему, которую вы им предложите.

Необходимые для жизни вещи — пища, одежда, жилье, здравоохранение, образование — сильно субсидированы или бесплатны. Нет безработицы, инфляции, бездомных людей, и молодое поколение, по-видимому, воспринимает все это как само собой разумеющееся.

«Но у вас нет нашей свободы», — спорил я с молодым механиком в Москве. «Я был бы свободен на Западе? — ответил он. — Свободен не иметь работы, дома для своей семьи, да?»

Седеющий шахтер из Казахстана подтвердил эту точку зрения в разговоре на ялтинском пляже. «Трое моих детей учатся в университете, — сказал он мне. — Могли бы они позволить это себе у вас в Ирландии?» — «Возможно», — сказал я, но, видимо, не убедил его.

Хотя социалистическая система пользуется поддержкой абсолютного большинства, было бы ошибкой считать, что люди не жалуются. Они жалуются всюду. Газеты полны критических писем о действительных и воображаемых несправедливостях, и, как видно, это эффективный способ оказания давления на неповоротливость и бюрократизм.

«Можно спорить о чем хотите, — сказал мне советский служащий. — Но если действия человека угрожают социалистической системе, то это значит, он нарушает закон, за что и понесет наказание».

Это было сказано на одной из еженедельных встреч с вопросами и ответами, входящих в программу отдыха. Любой может прийти туда и выступать с какими угодно вопросами и аргументами. Я побывал на нескольких таких встречах, где ирландские, английские и американские туристы получали от местных официальных лиц довольно обстоятельные разъяснения по интересующим их вопросам.

Реакция наших 50 ирландских туристов на поездку в целом была удивительной. По пути домой в самолете я задал всем три вопроса:

СРАВНИТЕ:

На снимках из журнала «Тайм»: вверху: сибирские парни из городка Листвянка; советские школьницы; внизу: московская девочка в карнавальном костюме; казахский металлург с Балхаша; «современный парень» с транзистором; московская манекенщица; пожилой кавказец; узбекская девушка; молодая хевсурка; молодые влюбленные.

Выдержка из статьи в журнале «Тайм»:

«...Население выглядит удрученным и обездоленным».

— Понравился ли вам отдых?
 — Каково ваше мнение о Советском Союзе?

— Считаете ли вы, что ирландские средства массовой информации правдиво описывают советскую жизнь, или вы были удивлены тем, что увидели?

Результаты ошеломили меня. Из 50 туристов 46 сказали: «Да, мы получили удовольствие»; многие даже добавили: «Фантастично!» и: «Лучший отдых за всю жизнь». Двое ответили: «Не знаю», и одна пара сказала, что им потребуется по крайней мере неделя, чтобы у них сложилось мнение.

Ответы о Советском Союзе были более сложными, так как не ограничивались простыми «да» или «нет». Сорок один человек сказал, что в целом у них сложилось положительное впечатление от увиденного. При этом докер и строительный рабочий отозвались восторженно, а бизнесмен и бухгалтер, что неудивительно, придерживались иной точки зрения. Но даже консерваторы сочли многое достойным похвалы, например, дружелюбие народа, чистоту и порядок в городах.

Молодая женщина-адвокат, убежденная католичка, нашла, что в Советском Союзе общество отличается более высокой моралью, чем в США, где она недавно побывала. «Может быть, социалистическая мораль и истинное христианство гораздо ближе друг к другу, чем мы думаем?» — заметила она.

Самым значительным в ответах, на мой взгляд, было то, что 47 членов нашей группы выразили мнение, что ирландские средства массовой информации дают неточную картину Советского Союза. Степень их удивления варьировалась в зависимости от газет, которые они читали. С гордостью могу отметить, что читатели «Айриш таймс» были озадачены меньше других. Тем не менее практически вся группа, увидев СССР собственными глазами, несомненно, считает теперь, что освещение в Ирландии жизни в Советском Союзе носит предвзятый характер.

Это основная причина, побудившая меня написать данную статью. Повсюду, где советские люди узнавали, что я журналист, они спрашивали: «Почему вы говорите о нас столько лжи?» Один и тот же вопрос в различных вариантах задавался десятками искренне недоумевающих людей.

Моим ответом будет эта статья. Таков Советский Союз, каким я его увидел, — полный тепла и радушия.

Вы можете, конечно, не поверить моим словам. Поезжайте и посмотрите сами. И если реакция группы ирландцев, с которой я путешествовал, говорит о чем-нибудь, то вы останетесь довольны.

1. БАМ

Как же она, право, дьявольски красива, эта Сибирь! За какой-нибудь час, между тремя и четырьмя пополудни, хотя солнце еще довольно высоко в небе, мороз вновь успевает набрать силу, господствующую надо всем. Снова кутаются в белые шубы кустарники, обвивают себя белыми локонами сосны, в белоснежные кораллы обращаются лиственницы. Снег белым бархатом стелется под ногами. С приближением заката все вокруг начинает сверкать и искриться. Перед самым заходом солнце размывает над тайгой пурпурные всполохи, но ни голубое небо, ни серо-свинцовые облака ничуть не меняют своего цвета. После захода солнца небо кажется мне куполом, отлитым из льда, все окрест как бы оцепенело от холода. И все-таки меня не покидает чувство, что каждое дерево и каждый куст хранят под своим мантио из инея и снега остаток тепла — тепла минувшего дня и тепла ушедшего лета, как это бывает со старыми домами, которые ухитряются сохранить в своих стенах дух минувших эпох.

Говорят, БАМ — стройка века. Такая стройка немыслима без современных, под стать веку, методов и стиля работы. А это подразумевает не только использование современной науки и техники, тут никак не обойтись и без искусства. Например, в мостоотряде № 21 есть художник Владимир Елистратов. Он не какой-то нахлебник, когда вместе со всеми идет в рабочую столовую или, как все, получает зарплату и премии, если бригада перевыполняет план, нет, он равноправный член бригады, и бригада немыслима без него, как немыслима она без бригадира или, скажем, инженера. Его рабочий инструмент — кисть и палитра, ему поручено запечатлеть возведение мостов, рождение и мужание БАМа, и делать это он должен невзирая на погоду, даже если мороз за пятьдесят. Строители прекрасно понимают, что может дать им художник.

Владимир Елистратов, родившийся в 1940 году в Волгограде, бамовец первого призыва, выставляет в Доме культуры поселка Магистральный шесть картин, посвященных стройке века, и как дополнение к ним — акварельные и карандашные эскизы. Перед картинами, пылко споря между собой, стоят строители БАМа со своими женами. Художнику нелегко: он должен выслушивать советы и даже указания как общего плана, так и те, что касаются конкретных деталей его картин, проглотить критику и обещать, что непременно поправит не понравившиеся зрителям места.

Рабочие упрекают коллегу из мостоотряда в том, что он-де увлекается натурой, а трассу, мосты и рабочих, их строящих, он как бы принижает. Суть конфликта ясна как день: худож-

ГЛАВНОЕ — ЭТО, КОНЕЧНО, ЛЮДИ

П. ШЮТТ,
западногерманский журналист

ника пленяют прежде всего величие, красота и гордый покой девственной природы. Рабочих волнует совсем иное: им хотелось бы, чтобы художник в первую очередь раскрыл величие человека,

борющегося со стихией, чтобы победу над всемогущей природой он показал как их, рабочих, общую победу. Елистратов, насколько возможно, пытается защитить свою точку зрения. «Да вы

просто не представляете, сколь ранима природа именно здесь, в Сибири. Не спорю: она оказывает вам сопротивление, ведь до вас ей вообще не приходилось иметь дело с человеком. По-

СРАВНИТЕ:

На снимках из журнала «Тайм»: в перерыве на одном из московских заводов;

иркутская студентка в почетном карауле у памятника павшим героям Великой Отечественной войны; Кремлевский Дворец съездов.

Выдержка из статьи в журнале «Тайм»:

«...Большинство советских граждан аполитичны».

смотрите, как тонки стволы у здешних деревьев. Порой они настолько хилы, что без поддержки соседа не в состоянии выжить. Едва только береза остается в одиночестве, как ее начинают подламывать ветер и снег, и хрупкий ствол ломается».

«Романтическая болтовня, — негодует один из рабочих, — так может казаться только изнеженному цивилизацией горожанину». Художник парирует: «Да, природа здесь, конечно, сурова, но вместе с тем она нежна и легкоранима. Снимите, например, в тайге слой мха. Вечная мерзлота тут же начинает подтаивать, земля, подтачиваемая снизу, оседает, и через год-два на этом месте образуется уже яма с водой. Чтобы там, где вырубил лес, выросло новое поколение деревьев, требуются годы и годы. Как художник, я считаю своим долгом показать вам, как ранима природа, напомнить о вашей ответственности за нее. Ваши вездеходы, бульдозеры и тракторы и мой инструмент — кисть, делая одно общее дело, должны дополнять друг друга».

Бамовцы возмущены позицией своего коллеги-художника, больше всего их задевает, что «артерия жизни» в интерпретации Елистратова предстает как шрам, рассекающий девственную тайгу, точно это рана на теле матери-земли. Рабочие и художник бурно спорят. Спор этот явно доставляет им удовольствие и, что совершенно очевидно, полезен для обеих сторон.

Елистратов лишь один из сотен творческих работников, вносящих посильную лепту в освоение района стройки. Вполне объяснимо, почему на БАМе работают художники, графики, скульпторы, писатели. Их общая задача — освоить Сибирь, превратить ее в настоящий отчий дом для новых поселенцев. Для выполнения этой задачи необходимы рабочие руки, техника, наука, поэзия, скульптура, живопись. Писатели, художники и артисты в едином строю с рабочими-строителями отправились на необжитый «дикий» восток, чтобы покорить и приручить этот суровый край нашей планеты. Насколько важна добыча залегающих здесь полезных ископаемых, настолько же важно выявить красоту этого края, помочь людям осознать эту красоту, постичь ее и испытать восторг. Извечно новая задача искусства: открыть людям глаза и направить их внимание на то, что прежде было недоступно их восприятию. Попав в Сибирь, художник не может стоять в стороне от жизни, так как он в самой гуще этой жизни, среди тех, кто ее творит.

Елистратов приглашает на вечер, который он устраивает по поводу выставки, своих коллег-мостостроителей, товарищей, сопровождающих меня в поездке, и меня. Для меня этот вечер одновременно означает и прощание с БАМом. Завтра на рассвете мы вылетаем в Москву, туда, где запад, где моя родина. В доме Елистратова не

чувствуется, что на улице крепкий сибирский мороз. У всех прекрасное настроение, раздаются музыка и пение. Ко мне подходит девушка и, улыбаясь, приглашает на танец. Я смущаюсь и краснею.

— Что, растерялся? — шутит переводчик. — У нас в порядке вещей, если девушка берет инициативу в свои руки.

— Просто я не умею танцевать ваши народные танцы.

— Да неважно, топай, да и только. Главное, чтоб весело было.

И вправду весело. Потому что никто на тебя не глазеет и не делает глупых замечаний. Право на удовольствие, на самовыражение личности признается за всеми. Все равно кто как танцует — галантным ли кавалером кружится по танцплощадке или же топает, как я, неуклюжим пингвином. Танцуют по-разному: обнявшись — парочки, несколько человек образовали общий круг, лихо исполняют свой зажигательный танец двое мужчин. Коллективная жизнь представителей столь многих национальностей невозможна без проявления терпимости, даже если речь идет о танцах. В компании нашей много балагуров, и всякий раз, когда рассказывается очередная шутка или анекдот, меня предупредительно толкают, приглашая откликнуться. Жаль вот только, что ни одной из сотни услышанных мною бамовских комичных историй я не запомнил, но и во время полета над необозримыми просторами Сибири до самой Москвы в ушах у меня не переставал звучать жизнерадостный смех моих новых друзей...

2. ЦЕЛИНА

Казахстан... Насколько объемно название этой второй по величине республики Советского Союза, настолько же вольно и широко раскинула эта огромная страна свои безбрежные просторы.

Казахстан сегодня — это протянувшиеся прямыми стрелами каналы, чьи воды утоляют жажду полей, впервые познавших остроту плуга; это новые, юные пахотные земли. Нескончаемой рябью тянутся плужные борозды, сводя в одно целое небо и землю. Не случайно, видимо, именно здесь, в просторах Казахстана, в Байконуре, человек впервые шагнул за горизонт и поднялся в космос.

Словно огромная географическая карта, на которой история оставила свои следы, распласталась под солнцем степь. Ни конца ей не видно, ни края. Все в ней открыто — и прошлому, и будущему.

Однообразные краски ковыльной степи да плавящееся знойным маревом небо — вот, пожалуй, и все, что предстало взору изнуренных более чем двухмесячным переходом переселенцев в том крае, которому предстояло стать

их второй родиной. Шел 1906 год. Спасаясь от преследования царской полиции, от произвола помещиков, от нужды и голода, тысячи безземельных крестьян-бедняков добирались до казахских степей и пустынь. У подножия Тянь-Шаня 212 таких переселенцев основали деревню Тулкубас. Здесь они еще до прихода Красного Октября опробовали новые формы коллективной жизни, основанной на кооперативных началах труда и хозяйствования. Но большинство их начинаний кончалось неудачно: степь не скупилась на жестокие испытания. Зимой по целым неделям бушевали снежные бураны, по самые крыши заноса глиняные мазанки, летом нещадно палило солнце, до корней сжигая не успевший вызреть хлеб. С Октябрьской революцией многое изменилось в здешнем крае, но ветер, солнце и губительная засуха остались. В 1930 году крестьяне Тулкубаса организовали колхоз, в 1935 году появились первые два трактора, были расширены пахотные площади, начало нового времени ознаменовалось прибытием трех учителей, врача и открытием сельмага.

Но настоящий перелом наступил в

1954 году. В Тулкубас прибыли, чтобы основать здесь целинный совхоз, первые добровольцы из самых разных уголков Советского Союза, эксперты и специалисты по целинным и залежным землям. Годом позже прибыл и основной контингент целинников: русские и казахи, украинцы и грузины. За год они увеличили площадь посевных с 600 до 3500 гектаров и каждый последующий год неизменно отвоевывали у степи не менее 1000 гектаров.

Освоение Казахстана, ныне производящего весомую часть всего советского хлеба, было стратегически спланированным мероприятием. За три года — 1954—1957 — на юго-восток, через тысячекилометровые дали, было переправлено 200 тысяч тракторов, необходимых для вспашки территории столь же огромной, что и Дикий Запад США. Но при этом беспримерном по своим масштабам освоении земли народы, издавна населяющие этот край, не познали того истребляющего лемеха, что стер с лица земли американских индейцев. Народы, обитавшие здесь с самого начала, были привлечены к освоению целины и ныне живут в совхозах, пользуясь равными со всеми ос-

тальными крестьянами правами. Понятно, что покорение 56 миллионов гектаров целинных и залежных земель, несмотря на всестороннее планирование, проходило не всегда гладко, были и трудности и неудачи. Главную задачу — обводнение засушливых областей и зон критического земледения — решить в одночасье было невозможно. Почти десять лет потребовалось на то, чтобы создать в Казахстане обширнейшую систему каналов. Ясно, почему секретарь парторганизации тулкубасовского совхоза Сакеа Кальгибаев назвал сына Каналгельды, что означает «Канал пришел». Было это в 1963-м.

Сегодня легендарные времена первопроходцев живут только в рассказах, песнях и воспоминаниях отцов. Теперь большая часть тулкубасцев живет в добротных домах, с телевизорами, холодильниками, стиральными машинами. Правда, кое-где, бывает, встретишь еще и старенькие мазанки, покривившиеся от постоянных ветров, изъеденные дождями и потрескавшиеся от лютых степных морозов. Конечно, их единицы. Но

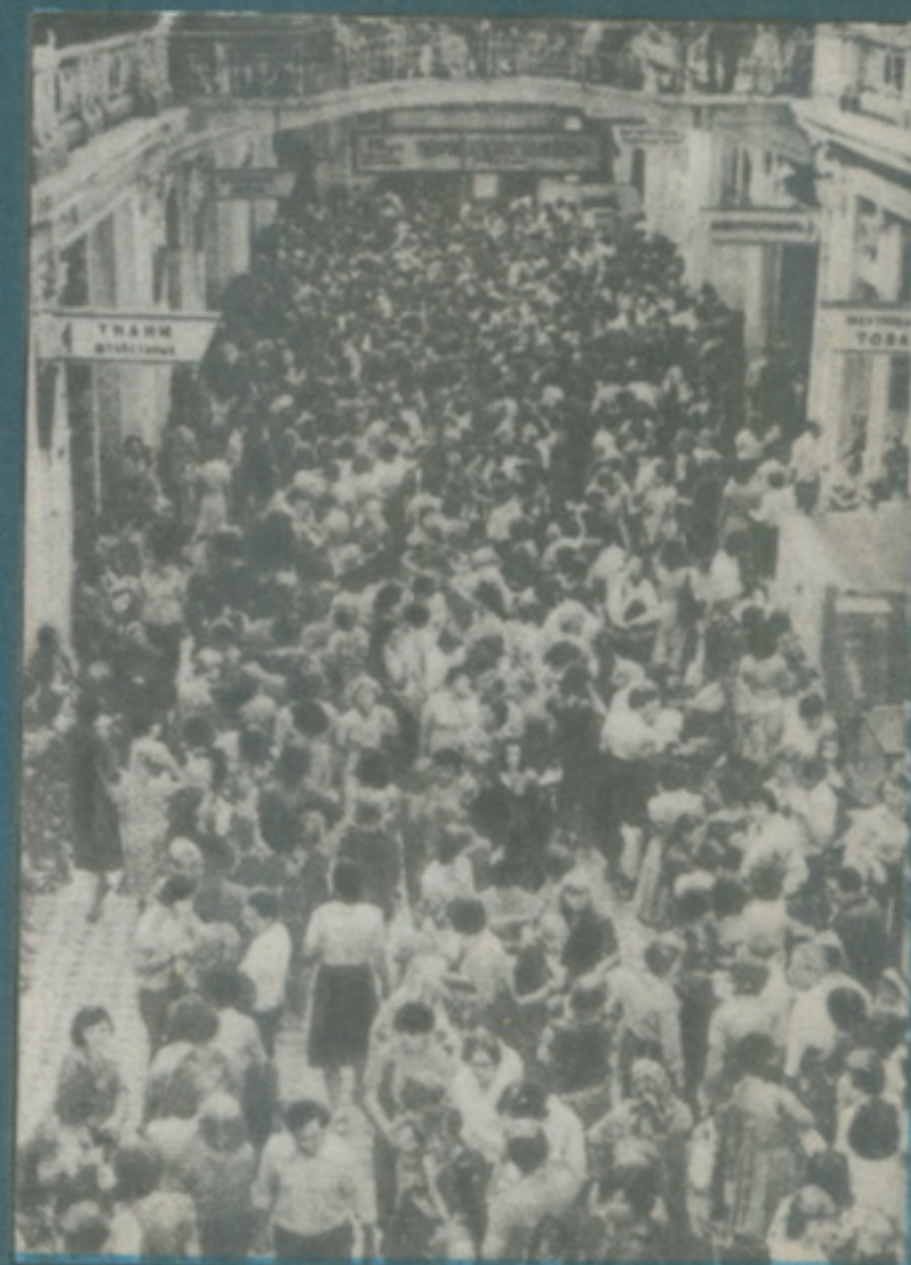
СРАВНИТЕ:

На снимках из журнала «Тайм»: огни жилого массива в Москве; многолюдный ГУМ;

колхозный рынок в Киеве.

Выдержка из статьи в журнале «Тайм»:

«СССР остается страной, над которой висит проклятие нищеты».

КОГДА ВНОВЬ НАСТУПИТ УТРО...

Н. ЧУГУНОВА,
наш. спец. корр.

они есть. Может, умолчать о них, думаю я про себя. Нет, ни в коем случае! Хотя бы только потому, что тот писатель, который пожелает еще раз проследовать этим маршрутом по Средней Азии, больше не увидит их. Но прежде всего потому — и это необходимо подчеркнуть, — что страна встала на ноги, вырвавшись из плена нищеты и бедствий. Чем больше знакомлюсь я со Страной Советов, тем больше учусь любить ее. Знание того, что там, где встает над землей солнце, есть еще и тени, длинные тени прошлого, не может повредить моей любви, наоборот, может пойти ей только на пользу, закалить ее, придать ей такую стойкость, что не страшны ей будут никакие яростные наскоки рыкающего антисоветизма.

Есть здесь и другие живые свидетели былых времен — лошади. Верно, что в полях тут неумолчно шумят тракторы, а молодежь взрывает тишину сельской улицы ревом своих мотоциклов, но хватает места и степным лошадям. Нет, это не заезженные, измотанные тягловой работой клячи, но гордые необузданные создания, выбирающие седюков только себе под стать.

В деревне мне показывают все: и сельскую библиотеку, и выставку народных умельцев, и местный Дворец культуры, исполненный в стиле необарокко, — не совсем удачный вариант Большого театра, — и школу, и детей, и учителей. И все я должен внимательно осмотреть, что-то похвалить, что-то покритиковать, всему дать оценку. После осмотра очередного объекта группа тех, кто сопровождает меня в экскурсии по деревне, увеличивается на один-два человека, облаченных в строгие черные костюмы, так что я все больше и больше чувствую себя главой некой правительственной делегации. Рядом со мной шагает директор совхоза — гигант под два метра ростом и около центнера весом. От моего медведоподобного гида веет тем очарованием, которое присуще всем спортсменам тяжелых весовых категорий. Он мягок, но не размягчен, такими становятся только после множества трудных поединков. В первую очередь с самим собой. Его мощные руки, его голос, все в нем — сгусток силы, энергии и нежности.

Мы беседуем с ним о проблемах: о преодоленных и о тех, что еще предстоит преодолеть. Совхозу недостает искусственных удобрений, пылевые бури уносят с собой верхний плодородный слой пахотной земли. И все-таки год от года зерна собирается все больше и больше. Другое дело, что едва справишься с одной трудностью, как неожиданно возникает новая, непредвиденная. Проблемы будут преодолены, в этом можно не сомневаться.

— Самое главное, — говорит директор совхоза, — это, конечно, наши люди...

Перевел с немецкого
А. РЕПКО

В начале сентября 1973 года группа чилийских ребят, детей рабочих и крестьян, вылетела в СССР, чтобы учиться в сельскохозяйственном училище. Направило их на учебу правительство Народного единства. Через несколько дней, как вы знаете, в Чили произошел фашистский переворот, погиб Сальвадор Альенде. «Мы не покидали родину, у нас ее отняли 11 сентября», — говорит один из этой группы. Пятнадцать чилийцев, закончив учебу, живут теперь в городе Дубовке под Волгоградом. Они работают в крупном объединении «Сельхозтехника», где ремонтируются тракторы и другая сельскохозяйственная техника. Свою родину они помнят свободной. Они мечтают вернуться, когда в Чили вновь наступит утро...

УМБЕРТО

Дубовка — райцентр, а дальше представляйте сами, и это будет правда. Юркий райкомовский «газик» есть, живой, он дребезжит, и душа держится в моторе. Старое и новое, как им и следует, столкнулись однажды на глазах изумленного жителя Дубовки: рукотворное море плеснуло на новый берег и бывшему купеческому особняку забрызгало ступени волжской живой водой. Вокруг природа не поразительная, и надо бы ее видеть с детства, чтобы потом вдруг заметить красоту. Степь, овраг, синий в закате куст...

— Когда в Москву ездили, — вспомнил Умберто, пока мы шли по главной улице, — то, вернувшись, сказали друг другу: «Ну наконец мы и дома, в нашей Дубовке!»

— Как?

— Ну наконец-то, говорю, мы

в родной нашей Дубовке! — весело воскликнул Умберто, перескакивая через лужу.

День был веселый, теплый, хотя вечером пошел дождь. А лужи на главной дороге потому, что по ней ходит тяжелая сельскохозяйственная техника к воротам объединения и из ворот выходит отремонтированная. Конечно, дорога бывает в слякоть разбита.

На Умберто черная шапка и кожаная куртка — так приблизительно одеваются все молодые парни в Дубовке. Большинство, как Умберто, работают в «Сельхозтехнике» — хороший заработок, хорошая работа. Те, кто еще не получил квартиру, живут в рабочем общежитии, как и Умберто. У Умберто там своя комната.

— Народу много в Москве, — пояснил Умберто.

От рабочего общежития несколько минут ходу — и вот она, Волга. Вернее, море ее.

Мы как встретились и познакомились, то сразу пошли пообедать недалеко в стекляшку — кафе. Там был перерыв, но нас пустили, и даже повариха сама принесла суп из гуся. Задержалась, сплела руки калачиком, смотрит. На стеклянных стенах кафе, слегка запотевших, дружба разных народов представлена картинами карнавального хоровода с тубетейками и сомбреро. Те люди, что в сомбреро, смахивают на наших горцев. Карнавал веселый, ведь кафе. В кафе обычно обедают рабочие.

— Это при нас «Дружкой» называли, — говорит Умберто, — а раньше знаете как было? «Ласточка». Ласточка ты моя.

— Да не разговаривай ты, ешь, — всплеснула руками повариха, — ешь, поправляйся!

Вечером мы смотрели фотографии в большом, с красивым пе-

реплетом семейном альбоме Умберто. Альбом весь почти заполнен. Есть еще один. Но это не потому, что Умберто прожил долгую жизнь, а потому, что за небольшое время ему встретилось много необходимых людей.

— Это наша футбольная команда. Это мне вручают значок ударника. Это мы все с отцом. Помню, начиналась весна. А это что? Это в газете у нас было.

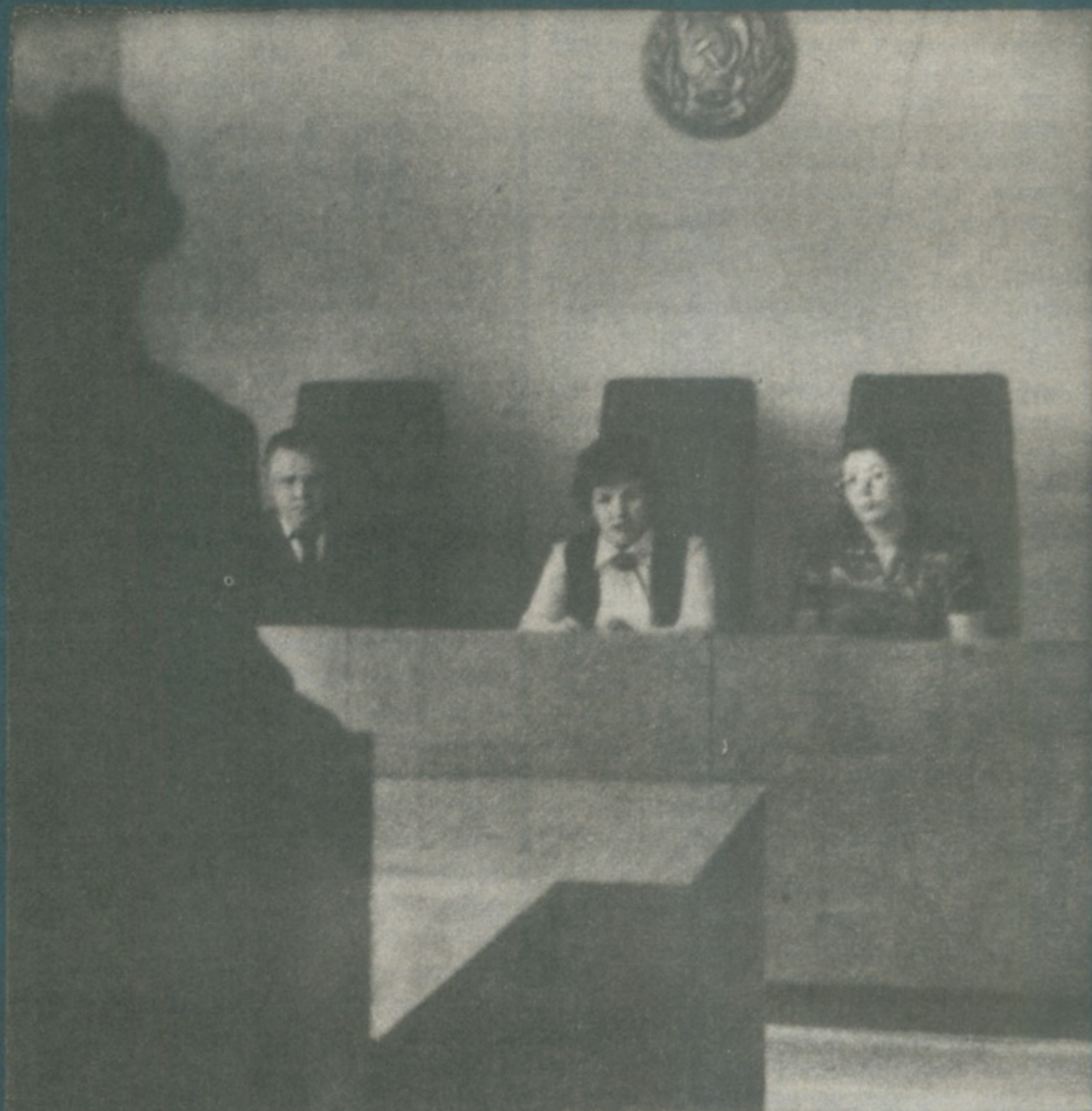
Напечатано: «Хороший тон в социалистическом соревновании задает бригада под руководством Владимира Ивановича Беспалова. По районному объединению «Сельхозтехника» вышла победителем...» В фамилии Умберто опечатка исправлена чернилами.

— Это Николай Мишаков, мой друг. Он сейчас в армии. Кто такой Беспалов? Ну, Беспалов отличный мужик! Он тут недавно заболел, в больнице лежал. Это свадьба. Это наш мастер из училища. Он часто приезжает, спрашивает: «Как живете-поживаете?» — «Работаем, чего же. Что нам сделается». Это один из руководителей нашей партии. Тоже, скажу я вам, отличный мужик. Это дядя, это брат, это сестра Эрика. Это генерал Прат, его убили, знаете. Это снова Эрика...

Читателю понятно, конечно, что Эрика, брат, дядя, отец рядом с Умберто, все в белых брюках, улыбаются, и начинается весна, — это старые фотографии. Они не готовились для альбома и сделаны примерно в одно время, как и фотография с Аьенде, где к Аьенде тянутся для рукопожатия руки множества людей, и начинается весна. И Умберто, где он с отцом, совсем мальчишка. «Ничего, — сказал ему отец при прощании, — три года учебы пройдут незаметно, для тебя совсем быстро. Вернешься в наш кооператив, будешь водить наши собственные, кооперативные «Беларуси». Ну, пока. Пиши».

В начале сентября 1973 года так сказал Умберто отец. И отец Эктора так сказал Эктору. Каждому так сказали дома. Дети из дому взяли несколько фотографий на недолгую разлуку. У Умберто, потом оказалось, есть целое богатство — настоящее пончо, такая память о доме.

Они летели тридцать шесть часов, многие летели в первый раз. «А здесь не так много баров, как в Сантьяго!» — изумился

Эктор в Москве. Он только начал изучать русский язык и русскую жизнь. Как и все, он знал немного. «Мало рекламы», — судил Эктор о витринах. «Не поймешь, кто

бедный, кто богатый!» — судил он о людях на улице.

Они проучились только несколько дней в училище под Краснодаром.

ЭКТОР

— Ребята, Альенде,— сказал нам какой-то незнакомый человек. — Чили, Альенде...

Они бросились к телевизору. Не было переводчика рядом. Без переводчика они поняли телевизионный репортаж.

— Я никогда не видел живого Альенде. И вот уже позже я добыл эту фотографию. Но я не скажу, где именно. Скажу только, что в Москве.

Когда я был маленький, мать часто посылала меня к отцу на ферму. Отец работал на помещика. Еще на памяти отца и матери помещики были очень жестоки с людьми, и люди это помнили. Я боялся помещика. Помню, как однажды столкнулся с ним на ферме. Я пришел, чтобы отец насыпал в мешок муки для нас: помещик давал продукты в долг, так что в конце концов народу было нечего получать. Я увидел сына того помещика, на которого когда-то работала моя мать служанкой. Он был очень наглый. Увидев меня, он схватился за ремень, я убежал. От помещика у нас зависела вся жизнь. Только школа не зависела. Поэтому в школе преподавали хорошие учителя. К нам прислали одного такого. Он был молодой. Первое, что он сделал,— прочел нам лекцию о классовой борьбе. Сомневаюсь, чтобы кто-то из нас понял лекцию, как это надо, то есть так, как, например, понимаю теперь я. Но это было все равно важно. Мы и раньше знали, что существуют бедные и богатые, и существуют другие страны и другие люди. Но теперь услышали, что эти люди в других странах живут совсем другой жизнью. Полтора года мы слушали нашего учителя. Потом он уехал. А моя учеба тем временем кончилась на шести классах. Это все равно, что здесь четыре, мало.

Я вырос и стал ходить на собрания, потому что у нас уже был профсоюз. Однажды к отцу пришел председатель профсоюза и стал рассказывать, что помещик обещал купить ему дом в городе, корову и прочее такое, лишь бы председатель отказался от профсоюзной работы. Я незаметно слушал этот разговор, чтобы что-то понимать в жизни. В город мы ездили на демонстрации. А раньше я бывал в нем, когда надо было сделать покупки. У нас половина

детей ходила обутыми, а половина ждала своей очереди. Всего десять человек.

Еще до того как к народу пришла власть, мы у нас в асьенде добились ежемесячной зарплаты и отмены помещичьей лавки, где давали продукты в долг. А в 1970 году решили выгнать помещика. За него среди народа были только три человека, которых он подкармливал, шпионы.

В одно воскресенье все крестьяне должны были ехать на собрание в город. Но было такое ощущение, чувство опасности. У нас был склад с фуражом и уже обработанные деревья. На собрании мой двоюродный брат сказал, что он и могут все это поджечь и что нужно кому-то остаться охранять. Наши склады находились между домами помещика. В этот день в домах гуляли, справляли какой-то праздник. А мы, оставшиеся охранять, играли в мяч. Тут один, подвыпивший, из них, подходит и видит, что один из нас на его бывшей лошади. «Ты почему на моей лошади?» — «Это уже не ваша лошадь, а коммунальная». А тот это слово «коммунальная» ненавидит. Мы включились. Разговор горячий. Я побежал за братом, чтобы предупредить, какая началась перепалка. Возвращаюсь, вижу, стоит молодой помещик. «Это земля моя, и никто не может меня отсюда выгнать!» Мой брат тогда и говорит: «Ну так мы тебя живо подвинем с этой земли». И вытащил пистолет. Брат потом сидел шесть месяцев за этот проступок. Помещики, уезжая, сказали: «Мы вернемся». И вот они вернулись...

УМБЕРТО, ХОСЕ, ЭКТОР, ЛУИС... УЧЕНИКИ

— Продолжаем. Как следует понимать слово «нигилист»?

— Простите, можно повторить?

— Что непонятно?

— Слово.

— Ни-ги-лист.

— Можно войти? Извините.

В углу класса большая железная печка. Зимой, отряхнув снег и потопав ногами в коридоре, хорошо будет прислонить руки к железной горячей спине печки, чтобы руки отогрелись и немного приготовились держать авторучку после того, как держали детали трактора и сварочный аппарат. За окном темно. Между рядами ходит учительница, а на стенах висят наглядные пособия.

СРАВНИТЕ:

На снимках из журнала «Тайм»: председатель народного суда; работница сборочной линии завода сельскохозяйственных машин; беседа врача с пациентами; учительница начальной школы в сибирском поселке.

Выдержка из статьи в журнале «Тайм»: «Советские женщины находятся на положении второразрядных граждан».

— За нами везде ходила простая собака Пальма. И так скоро она начала понимать испанский, пока мы русского не знали. Такая верная собака...

Умберто раскрыл Тургенева: он Тургенева разбирал медленно, по словам.

Потом была физика. Девятый класс.

— У нас радость,— сказала Валентина Павловна, классный руководитель девятого «А»,— один ученик поступил в техникум!

— Все поступим,— сказал Умберто. — Подумаешь.

Они вспоминают:

Эктор. Меня привели к человеку из Единого профцентра. Он сказал: «Есть возможность тебе поехать в Советский Союз учиться на механизатора». Спросил, хочешь ли я ехать. Я ответил: «Ну, здравствуйте». У нас в деревне не было специалистов.

Умберто. Мы получили уже технику, но кто мог на ней работать? У нас, правда, был безграмотный механик. Он, говорили, мог разобрать и собрать целый комбайн, хотя не умел ни читать, ни писать. Такой гений механик. Он работал раньше на помещика. Но какой ему был тогда почет? Никакого почета. Тут он получил «Беларусь», был счастлив...

Эктор. На самолете мы летели в Лиму, потом в Гавану, потом в Марокко, потом уже Москва. Я почти ничего не знал о Советском Союзе, но помнил, как один взрослый человек, чье детство прошло на севере, где добывают селитру, говорил нам о Ленине. Правда ли, что Луис Эмилио Рекабаррен, которого у нас называют отцом рабочего класса, встречался с Лениным? Тот взрослый человек горячим тоном говорил о Ленине. «Наконец,— говорил он,— сбываются мечты Луиса Эмилио Рекабаррена!» Если бы я вернулся, мечты Рекабаррена сбывались бы скорее, потому что я знаю, как сбылись мечты Ленина. Помню, как мы в деревне стали работать без отдыха, чтобы скорее посеять, и потому что работали теперь не на помещика. В деревне не было врагов, но было очень тревожно. В магазинах вдруг исчезли продукты, и хозяйка магазинов говорила: «Идите просите масло у вашего Альенде!» В День независимости, 17 сентября, за год до переворота, никто не спал и не праздновали, готовы были ко всему. Так, я знаю, было по всей

стране. Когда мы уже собрались ехать, то в Сантьяго зашли в магазин купить значки. Хозяин, узнав, что мы едем в Москву, разозлился, стал пугать нас: «Вы с ума сошли, пропадете».

Умберто. ...После школы пошел дождь. «Такой дождь хорошо для охоты,— говорил Умберто, наклонив голову, чтобы вода с шапки не капала в лицо. — Вот надеваешь пончо, только настоящий, из шерсти, мохнатый, с него вода просто ручьем — и ничего».

Чилийцы говорят: он, пончо.

— И сапоги, и шляпу со здоровыми полями. Вода шумит, и тебя в лесу не слышно.

На автобусной остановке мы смотрели в освещенные окна большого дома напротив, и в квартирах, чьи окна были напротив, росли роскошные пальмы, в кадучках очевидно; и ровно, синё, тепло, мирно и как-то обеспеченно горели огни телевизоров. Так казалось, что жизнь там, за окнами, всегда текла ровно, и люди в квартирах не знали ни горя, ни огорчений.

— Будет автобус,— верил Умберто и высматривал автобус в тумане.

Где-то в Дубовке запели сразу хором, подтянув несколькими спевшимися голосами и, судя по всему, сидя за столом.

— Свадьба...

— Нет,— откликнулся Умберто из тумана. — День рождения или просто. Кто свадьбу играет во вторник? У нас здесь всегда в пятницу, чтобы было время по праздновать.

— Это если с размахом.

— Конечно. Но у меня, к примеру, была скромная. Посидели. Ребята говорят: пиши заявление на квартиру, пора.

— Пора. (Потому что в комнате Умберто есть все для квартиры: телевизор, мебель, ковер и кровать их дочери.)

— Но зачем? Меня же все знают, стану теперь суетиться, заявление писать.

— Это порядок такой.

Мимо нас прошел огромный трактор, поворачивая огни.

— Наш,— сказал Умберто. Он думал о чем-то.

— В Сантьяго... Там издается одна газета, реакционная. Называется «Ла Терцина». Эта газета написала о нас: «Эти ребята...»

Даже не так. «Эти безрассудные мальчишки теперь бродят по улицам чужой страны, нищенствуют, просят хлеба».

Он помолчал. Телевизоры мигали одновременно во всех окнах.

— Тогда, когда мы узнали, что случилось там, у нас в Чили, я сразу захотел домой. «Быть вместе со всеми, бороться» — так я думал. И потом долго, ежедневно брал это в голову. Директор училища вызывал каждого, долго разговаривал: «Вы же учиться приехали, вас послал народ». Но мне, например, было девятнадцать лет. Позже я ехал в поезде, и люди стали меня расспрашивать, какие у нас обычаи, как люди живут и какие были улучшения жизни. Я рассказывал. «У нас все почти так же начиналось»,— говорили те, что постарше. А в здешнем колхозе бригадир много рассказывал о войне. Как он вернулся сюда, а все разрушено, все разбито, все надо заново начинать. Я понял. Я хорошо понял. Здесь, вижу, с детьми обращаются ласково и больше словами. Когда родилась Иринushка, я думал: никогда нельзя кричать на детей.

Эктор. В апреле я ездил в Ленинград. Мы долго ждали исполнения нашей заявки на двенадцатиструнные гитары. Нам гитары были очень нужны. Здесь, как узнают, кто мы, просят: спойте. Ведь все поют! Я не знал такого. У нас дома поют только те, кто, известно, умеет, специально обученные музыканты, приглашенные. А тут все. Вдруг запоют-запоют! И просят нас спеть свое. А мы, смешно сказать, никто не умел, никто не держал в руках ни гитары, ни марокасов, не бил в бомбо... Мы взяли бочонок из-под солидола и, в колхозе когда были, попросили шкуру козленка. Вымыли бочонок, стали вспоминать, как делается барабанчик-бомбо...

И тогда вызывает меня управляющий нашего объединения и дает мне командировку в Ленинград. За гитарами! Это же редкость, все их заказывают. Я сел и поехал. Но неправильно записал адрес, где мне остановиться. Прилетел ночью, стою, где все стоят. Все сели в автобус, едем. Все вышли. Шофер адрес мой прочитал и говорит: езжай на метро. Сел и попал, не знаю куда. Иду на такси. Женщина-таксист: «Сынок, такого адреса нет». Всех

спрашиваю, все ищут. Я не встретил человека, который бы сказал: «Ищи сам». Уже два часа ночи! Другой шофер увез вообще далеко, но я сказал ему: «Спасибо». Наконец один шофер решил звонить по телефону. И я попал почему-то в женское общежитие. Стал стучать, проситься. Другие бы выгнали и правы были бы. Но вахтер завела меня в комнату. «Жди,— говорит,— отдыхай. Сама схожу, кажется, это недалеко». Я немного поспал. Потом узнал, как встречают даже и нежданного гостя — все ставят на стол, что только есть в доме, и ждут, чтобы попросил добавки. Это такой закон, который я бы назвал так — «уважить».

На собрании решили активизировать дело, организовать ансамбль. Есть такая песня: последние слова, которые говорит Аьенде, обращаясь к народу. В День Победы

мы пели «По долинам и по взгорьям». А когда завели «Катюшу», все поднялись, весь зал. Это не народная песня, а историческая.

ЭКТОР, НИВАЛЬДО, ЛУИС, ХОСЕ, КАРЛОС, ЛУИС — АНСАМБЛЬ

Эктор взял бамбуковую дудочку, обтянутую синей изоляционной лентой. Что за печальная, тонкая, что за душевная песня началась! Так, кажется, поднимается за колодцем рассвет, так, кажется, гонят стадо — и днем ни одна нота из этой песни не будет звучать. Глухой, далекий голос у этой дудочки.

— Все русские говорят: рассвет это,— сказал, сыграв, Эктор.

И у бомбо звук глухой. Как бы издали, очень далеко бьют в бомбо. Будто зовут, сзывают всех, и кто ни услышит, откликнет-

ся на звук бомбо, на песню дудочки — кены.

Осталось только добавить песню чарранго. Чарранго — это маленькая скрипочка. Ее трудно сделать в Дубовке из подручного материала. Пока чарранго нет.

ЭКТОР, УМБЕРТО, ФРАНСИСКО... ЖИТЕЛИ ДУБОВКИ

— Я приезжаю в колхоз на уборку и смотрю с интересом. Сначала, когда были первый раз, прежде увидел свет в домах и на улицах. «Эх,— сказал,— это город!» Во второй раз это уже пропустил. Вижу, идет комбайнер. Оказалось: сам председатель. Я очень хотел пахать сам в колхозе, чтобы увидеть, какие бывают причины поломок. Две смены мой помощник был Валера. Он когда-то был деревенский. Валера очень понятливый парень. Однажды

СРАВНИТЕ:

На снимках из журнала «Тайм»: оснащенная новейшим оборудованием операционная в одной из московских клиник; «Скорая помощь»; визит к маленькому пациенту.

Выдержка из статьи в журнале «Тайм»: «Здравоохранение в Советском Союзе находится на примитивном уровне».

сгорели прокладки в двигателе. Стояли два дня, копались. Наблюдают, что люди работают по-разному. Одни очень быстро, другие медленно, но верно, точно.

— Все хочется выучить. В истории интересно все подряд. Но главное: как начиналось освободительное движение, как пришла победа. Изучу экономику, географию.

«Здорово, братцы!» Так говорит учитель. И так говорю я. Привычка.

— За все это время я получил только одно письмо. Оно шло по всему свету.

— Я купил мотоцикл.

— В совхозе «Баррикады» я заметил бригадира, который все знает. Мы же были неопытны. Какая ему была выгода копаться с нами в наших поломках? Но, может быть, он думал о деле вообще...

— Я спрашивал людей, хотят ли они в город? Говорят: у меня есть все.

— В училище есть картина: первый трактор, который пахал колхозную землю здесь, в Дубовском районе. Я стоял перед картиной долго, смотрел на этот несовершенный трактор...

— Как здесь говорят о войне: «Не дай бог, если это когда-нибудь повторится!»

— Вечерами старушки сидят по-над окнами, смотрят, слушают. Тишина.

— Здесь наконец я прочел стихи Пабло Неруды. Раньше, в Чили, трудно было достать, я только слышал. А здесь мне подарили большие две книги. Одна, последняя, его книга называется «Признаюсь: я жил».

— Мы ничего не знали о жизни. И это было совсем недавно.

— Я понимаю, что хорошо представить себе, как надо жить, живя здесь. А как бы я сам жил в Чили? Я думаю об этом часто. Вернее, все время.

— Я получил письмо из дома: все в порядке. Я ответил: неправда. Наконец ответ. «Ты хотел знать правду? — писала сестра. — Знай: о н и вернулись. В асьенде возвратились старые времена. Это настоящая правда».

— Я хотел бы крикнуть для наших: мы живы! Мы — живы. Мы здесь, где социализм укрепляется и нашей работой.

Живы.

Волгоградская область

ВСЕ ВМЕСТЕ

Майк ДАВИДОВ,
американский журналист

В мае прошлого года я был в Москве, и мне удалось посетить спектакли Камерного еврейского музыкального театра. Это было захватывающее зрелище, из которого я сделал вывод, что культура идиш жива и процветает в СССР. Этому театру могут позавидовать многие подобные труппы в США.

Его организатор и режиссер — стройный, невысокий мужчина с черными как смоль волосами, аккуратно подстриженной бородкой, с умными глазами, Юрий Шерлинг представляется мне одним из тех, кого русские называют «деловым человеком», то есть человеком, у которого слова не расходятся с делом.

Приведу пример. Я рассказал Шерлингу, что видел в американско-русском институте в Сан-Франциско видеозапись его оперы «Черная уздечка белой кобылице». Но, увы, техническое несовершенство аппаратуры помешало мне оценить оперу.

«Когда вы свободны?» — сразу же последовал вопрос Шерлинга. Я назвал день. «Где вы остановились?» — это был следующий вопрос. «Я заберу вас и приведу в наш театр. Вы увидите оперу на сцене».

Шерлинг сдержал слово. И я увидел не просто представление слаженной труппы — 25 молодых мужчин и женщин, которые одинаково хорошо владеют и пением и танцем, — я увидел Мастерство.

В зале собрались советские евреи моего поколения, молодежь и большое число советских граждан разных национальностей. Между прочим, 20 процентов театрального состава не евреи, среди них есть и русские и грузины.

«Я думаю, что это характерная

черта нашего театра, — сказал мне Шерлинг. — Наша советская культура — букет, составленный из многих цветов».

Премьера оперы состоялась в ноябре 1978 года в Биробиджане, в Еврейской автономной области на Дальнем Востоке, однако я думаю, что дух премьеры будет еще долгое время сопровождать постановки молодого театра. Я слышал, что это ощущалось везде, куда бы ни приехал театр: в Хабаровске, Владивостоке, Свердловске, в Прибалтике и, конечно, в Москве. На премьеры оперы в Москве более тысячи зрителей заполнили театр. Не попавших на премьеру было гораздо больше. Публика проявляла широкий интерес к еврейской культуре.

«В первый вечер было главным образом старое поколение, те, кто знаком с традиционной культурой идиш, — заметил Шерлинг, — потом пришли их дети. А потом в театр хлынули люди всех национальностей СССР».

Почему люди приходят на их спектакли вновь и вновь и почему на всех представлениях царит волнение, радость премьеры, стало ясно после того, как я увидел и услышал постановку «Черная уздечка белой кобылице» Шерлинга и оперу на народные мотивы Михаила Глуза «Ломир алэ Инейнем!» («Давайте все вместе!»).

Опера Шерлинга с подзаголовком «Мистерия» — о вековой борьбе добра и зла. Русский текст написан Ильей Резником, а еврейский (опера исполняется на языке идиш) — Хаимом Бейдером. Шерлинг не только написал музыку, он также поставил спектакль и танцы. Художественное оформление было выполнено Ильей Глазу-

СРАВНИТЕ:

На снимке из журнала «Тайм»: Елена Соловей в фильме «Раба любви»; «Ромео и Джульетта» в Большом театре СССР; ансамбль «Песняры» — советский бит. Выдержка из статьи в журнале «Тайм»: «План... навязывает сюжеты о молодых рабочих и крестьянах, героически перевыполняющих задания».

новым, одним из выдающихся художников СССР.

Главные герои пьесы: Шолом-Бер — талмудский грамотей; Хана — его жена, практичная, расчет-

ливая; Зелда — их прекрасная дочь; Агицин-Паровоз — ее возлюбленный, традиционный мечтатель и защитник добра; и Бениамин — эдакий торговец счастьем,

местечковый Мефистофель. А также множество типичных жителей старого еврейского местечка, увековеченных в произведениях Шолом-Алейхема.

Миражня — небольшое еврейское местечко в России в конце XIX века — без ума от радостного ожидания: в первый раз в город приходит поезд! И не просто обыкновенный поезд, а наполненный чудесными возможностями, которых никогда не было у бедных людей, но о которых они всегда мечтали, — богатство, слава, счастье. И тут начинается соперничество в погоне за удачей. Только Агицин-Паровоз осторожен. Он предупреждает: «Поезд сожжет вас изнутри». Толпа в бешенстве, толпа топчет его в безумном стремлении встретить поезд.

Шолом-Бер в растерянности, Шолом-Бер измучен Ханой, своей женой, которая хочет, чтобы он заставил Зелду выйти замуж за Реба Зальмана — богатого и старого владельца аптеки. Шолом борется с собой, чтобы зрешить конфликт между «телом и душой», между душевным поэтическим огнем и суровой реальностью бедного местечка. Но поезд, поезд обостряет обывательское в Шолом-Бере, и он стремится быть первым при встрече поезда.

Бениамин, щеголеватый дьявол, любящий пускать пыль в глаза, подстрекает: «Хватай свою удачу за хвост». Шолом-Бер просит об исполнении только одного желания — счастья для Зелды. И так же, как в «Фаусте», дьявол приходит в Миражню и требует у Шолом-Бера в обмен душу. Дело сделано.

Во втором действии нам показывают трагические последствия этой сделки. Зло, затаенное даже в хороших людях, вышло наружу, чтобы обезобразить честных, дружных жителей, таких дорогих для Шолома. Зелда ослеплена призрачным блеском богатства и отдана Бениамину. Шолом-Бер понимает свою ошибку, он в отчаянии и умоляет Зелду не продавать себя богатому. Но Бениамин напоминает Шолом-Беру об их договоре.

Третье действие доводит борьбу до вершины. Шолом-Бер решает сразиться с силами зла, даже если это будет стоить ему жизни. Он пытается поднять горожан на борьбу, но они настолько околдованы «золотым тельцом», что избивают Шолома. В поединке с Бениамином не на жизнь, а на смерть Агицин-Паровозу наконец удается убить душу зла. Но и сам он погибает. Зелда призывает горожан оживить своего друга.

Они наполняют его живительной силой любви, и он воскресает.

Счастливые невеста и жених возглавляют торжественную процессию.

Музыке Шерлинга, построенной на традиционных еврейских мелодиях, украшенной его творческим талантом (который обнаруживает сильное влияние современных советских композиторов — Шостаковича и Прокофьева, а также джаза США), удается ярко изобразить борьбу сил добра и зла.

Хореография — достойная пара музыке. Актеры не только поют, но и прекрасно танцуют — редкое сочетание. В этом отношении они — достойные коллеги Шерлинга.

Я убежден, что «Черная уздечка белой кобылице», поставленная Камерным еврейским музыкальным театром в СССР, повсюду встретит восторженный прием. Опера рассматривает вековой конфликт между теми, кто хочет «жить лучше» в материальном смысле и без заботы о других, и теми, кто хочет «быть лучше».

Далее: я считаю потрясающей постановку оперы Михаила Глуза «Ломир алэ Инейнем!» («Давайте все вместе!»).

Глуз — высокий, крепкий молодой человек — называет свою работу «народной оперой». Это подходящая характеристика. Выпускник института имени Гнесиных, Глуз в совершенстве владеет композиторским мастерством. Его народная опера невероятно динамична. Певцы-танцоры едва останавливаются, чтобы перевести дыхание, когда они переходят от заунывной, острой тоски одинокого и бедного влюбленного по невесте к радостной непринужденности фрейлахса — традиционного массового танца на еврейской свадьбе. Глуз не только искусно вплетает еврейские мелодии в свою работу, он заставляет звучать их по-новому и развивает в синкопированные ритмы и гармонии современной жизни. Хотя «дух Шолом-Алейхема» царит на сцене, пульс динамичного настоящего и ритм нашего времени преобладают. Наследие прошлого всегда создает только фон, а главное — это радостное одобрение настоящего и вновь подтвержденная уверенность в будущем, которые проходят через всю народную оперу Глуза.

Юмор, фантазия и гротеск настолько искусно совмещены, что зритель все время находится во власти танца и пленительных песен

спектакля. Ансамблю не только дана возможность раскрыть коллективный артистизм, но каждому участнику предоставляется возможность проявить различные, даже соперничающие, индивидуальности (более того, в этом стремлении они пользуются поддержкой режиссера).

А в заключение актеры и публика как бы объединяются и поют главную песню «Ломир алэ Инейнем!» все вместе, и автор этой статьи не стыдится признать, что был среди тех, у кого в глазах были слезы.

...Трудно перечислить многие таланты Шерлинга. В детстве Юрий занимался музыкой, стремление к выразительности привело его в мир балета, и он выступал в балетной труппе музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко в Москве (хотя и затененный славой Большого, это прекрасный театр). Затем его увлекла режиссура. «И вот я оставил музыку и танцы и стал учиться на Высших режиссерских курсах».

Так как же это получилось, что он стал организатором Камерного еврейского музыкального театра? Шерлинг ответил: «Вы знаете, что делает букет советской культуры таким богатым и прекрасным? Вы только посмотрите, сколько прелестных цветов мы собрали для нашего букета! — Он помолчал немного. — Да, нам пришлось преодолеть и трудности. Еще не все наши планы и задачи выполнены, но у нас хорошее начало».

Начало было положено в городе Биробиджане в Еврейской автономной области. Там театр Шерлинга был поддержан. «Затем началась настоящая работа — были поиски талантов, строгая программа обучения, которая включала изучение языка идиш. Строгий регламент занятий очень помог нам». Сейчас в театре постоянный состав из 25 человек, высококвалифицированная группа молодых техников сцены, современное оборудование, парк из 12 автомобилей. Этот театр с годовым бюджетом 300 тысяч рублей (почти полмиллиона долларов) финансирует Советское правительство. И репертуар из двух великолепных пьес. Совсем не плохое начало.

Перевела с английского
И. КАСТАЛЬСКАЯ

ИГРЫ МОСКВЫ

Джордж ПЛИМПТОН,
американский журналист

Перед отъездом в Москву многие говорили мне, что мое выступление в центральном американском журнале против бойкота Олимпиады привлечет ко мне внимание советской прессы (интервью, телекамеры и все прочее), и все, что я скажу, они повернут себе на пользу. Более того, за мной будут следить, тщательно досмотрят багаж и установят в комнате подслушивающие устройства. Последнее обстоятельство, как мне сказали, можно легко повернуть себе на пользу. Если я захочу поскорей получить белье из прачечной, надо лишь встать посреди комнаты и, обращая поочередно к каждой стене, выкрикнуть свое пожелание, добавив: «И пожалуйста, без крахмала!» Лучший способ прижать прачечную — это привлечь к делу службу безопасности!

Все эти разговоры сильно влияют на тех, кто приезжает в Советский Союз, — вас не покидает чувство, что вы играете роль в шпионской драме. Средним туристом овладевает такая параноя, что настоящий американец не только удивляется, но даже-таки огорчается, поскольку ничего такого не происходит. Мой приятель рассказал мне, что как-то его похлопали по плечу, когда он вылезал из автобуса. Он обернулся, увидел милиционера — и сердце ушло в пятки: «Вот оно, начинается». Милиционер слегка поклонился и протянул моему приятелю кусок бумажки, который выпал у него из кармана. Приятель, естественно, почувствовал облегчение, но потом признался мне, что все-таки испытал и легкое разочарование оттого, что милиционер не сказал на безупречном английском: «Мистер Лэйн, пройдемте, пожалуйста».

Ответной реакцией на «невнимание» со стороны советских властей стали разные истории, почерпнутые порой из вторых, а то и из третьих уст. Их рассказывали в холлах гостиниц и за едой, чтобы утолить чувство обиды, которое можно сформулировать приблизительно так: «Чем же я не понравился? Почему в полночь ко мне в дверь не постучали?»

Параноя пробралась даже в мои служебные дела, которые состояли в том, чтобы под видом туриста освещать Олимпиаду для журнала «Тайм». Мне приказали держаться подальше от московского офиса журнала: «Там во дворе сотрудник службы безопасности. Если вы там появитесь, сразу станет ясно, что вы никакой не турист. Будете встречаться со своим связным — девушкой по имени Б. Дж. Филипс в сквере на Пушкинской площади и передавать ей материал».

«Как я ее узнаю?» — спросил я, при этом мне захотелось прикрыть микрофон телефонной трубки носовым платком.

«Это нетрудно. Она сломала ногу и сейчас в гипсе. Ходит, опираясь на две палки, одну металлическую, другую деревянную, и носит огромные очки».

«О!» — только и смог воскликнуть я.

Вскоре я позвонил опять и сообщил, что совсем не уверен, сможет ли кто-нибудь разобрать мой почерк (пишущую машинку мне посоветовали — для конспирации — оставить дома), и, вероятно, лучше всего будет, если перед тем, как идти на встречу в сквер, я буду заходить в офис, чтобы напечатать материал. Сказал я

это не прямо, а с помощью выдуманных по ходу дела слов. Вместо «материал» я говорил «маргаритка». «После того как она взрастет, — шипел я измененным голосом, — я принесу маргаритку в сад Первопричины Евгения?»

«Что вы там мелете?»

В конце концов редактор отказался от разных хитростей и разрешил мне приходить печатать. Выяснилось, что Б. Дж. Филлипс сидит в соседней комнате и работает, положив сломанную ногу на стул. Тогда я спросил, можно ли передавать рукопись прямо здесь, не выходя в сквер. Редактор согласился, но при условии, что при передаче мы будем выключать свет, чтобы не было видно с улицы.

Поскольку американской команды на Играх не было, мы часто оказывались в затруднении: за кого «болеть»? Обычно поддерживали атлетов из западных стран — Аллана Уэлса, Дэйли Томпсона, Себастьяна Коу, Стива Оветта из Англии (особенно трудно было с этими двумя, когда они бежали в одном забеге), итальянского спринтера Пьетро Меннеа, француза Жозе Маражо, любого финна (они были самыми веселыми на Олимпиаде).

Я завел небольшой список спортсменов, занимавших последние места в турнирной таблице, — тех, кто своим несовершенством вызывал мое восхищение.

Так, мне понравилась Сьюзан Чизброу из Англии. Выступая на бревне, она потеряла равновесие и, пытаясь удержаться, эффектно выбросила одну ногу в сторону. В таком положении она продержалась достаточно долго для того, чтобы кто-то успел крикнуть: «Старуха, держись!» — после чего она все-таки шлепнулась.

Среди легкоатлетов мой список возглавлял участник соревнований по ходьбе на 20 километров. Все думали, что состязание закончилось. Вдруг через полтора часа после последнего, двадцать четвертого участника он появился в огромном проеме ворот стадиона, чтобы сделать последний круг. Когда толпа поняла, что это участник того, давно закончившегося состязания, все встали на ноги и начали его подбадривать. Полный восторг! Спортсмен нисколько не смутился. Он стал в ответ махать руками, лицо озарила широкая улыбка. Он остановился и поклонился, увеличив и без того чудовищное время. Казалось, над головой его плывет воображаемая вывеска: «Я — Величайший из Ходоков».

Интересно, как самые слабые воспринимали стрессовые нагрузки Олимпиады. Некоторые сдавались с самого начала. Другие наоборот: Марзук Мабрук два круга лидировал в своем забеге, выложился до последнего, и все его обошли. Но, по крайней мере, он сможет рассказать, вернувшись на родину, что он им всем там некоторое время показывал пятки и «задал темп», а может даже сказать, что тренер выбрал для него не ту дистанцию.

Боксер по имени Уамба выскочил по звонку предупредительного колокола, означающему пятисекундную готовность, и бросился в бой. Это так разозлило соперника, что Уамба мгновенно лег. В моем списке он стоит рядом с Великим Ходоком.

Но все же мои любимые неудачники — два английских яхтсмена, которые были настолько возмущены черепашьими качествами своей яхты класса «Темпест», что подожгли ее, а потом сидели и смотрели на пожар, пока яхта не затонула. Матрос был настроен особенно критически не только к яхте, но и к своему рулевому. Он выпил и стал припоминать ему все ошибки. «Я сказал ему, что его место (как капитана) на корабле, но он отказался последовать за своей красавицей».

В гостинице «Украина», где я остановился, много говорили о предвзятом судействе, о том, что советские судьи стараются подсудить своим даже в таких точных дисциплинах, как, например, метание молота, диска и копья. Мне эти предположения кажутся бредовыми. Как трое судей (а все трое бегут за снарядом, как мальчишки за брошенной монеткой) могут жульничать на глазах у ста тысяч зрителей, многие из которых

смотрят в сильные бинокли? Но слухи все бурлили. Самый любопытный состоял в том, что якобы во время бросков советских копьеметателей огромные двери стадиона открывали, чтобы создать сквозняк — попутный ветер, который понесет копье с собой. Когда же выступали зарубежные соперники, двери закрывали. Чепуха, конечно. Очень сильный ветер, в принципе, мог бы подхватить копье. Но в тот вечер ничего такого не было. Облака спокойно стояли в розоватом вечернем небе. Кроме того, метатели не любят попутный ветер, потому что он обычно опускает конец копья, он первым касается земли, и попытку не засчитывают.

Говорили также, что судьи жульничали и в тройном прыжке. Австралийцу Иану Кэмпбеллу и бразильцу Жоао Карлосу де Оливейра не засчитали девять прыжков из двенадцати, что, дескать, и помогло русским занять первое и второе места.

Я обратил внимание на Оливейру. После последней попытки он выскочил из ямы и стал трясти руки всем судьям подряд. Мне это показалось достойным спортивным жестом. Многие зрители на трибуне тоже хлопали в знак одобрения. Мой сосед сказал:

— Вот как эти люди разбираются в легкой атлетике. Неужели они не понимают, что бразилец иронизирует? Он их вырубает, хочет всем показать, какое ужасное было судейство.

Я аплодировал вместе со всеми. Но тут остановился.

— А откуда вы знаете? Почему же он тогда не даст им по роже?

— О нет! Это все вопрос символики. Нужно уметь понимать такие вещи.

Как всем известно, Московское метро — восьмое чудо света. Сколько ни слышишь о мраморе, люстрах, скульптурах, чистоте и быстроте, все равно удивляешься. Особенно меня поразили эскалаторы, которые с невероятной скоростью спускаются на невероятную глубину. Как сказал за обедом профессор из Чикаго, «только атеистическая культура могла осмелиться так глубоко проникнуть в inferнальные глубины».

Вчера я видел, как человек прыгнул через планку выше, чем прыгали раньше за всю человеческую историю. Два метра тридцать шесть сантиметров — просто неприличная высота (я до такой планки даже дотянуться не смогу). Это был немец из ГДР по имени Герд Вессиг. Совершив это, он лежал на спине на квадратном толстом матрасе, лежал руки в боки и смотрел в бледное вечернее небо более минуты, пока его омывали восторги толпы. Какой замечательный миг! Человек просто сделал простое движение лучше всех в мире. Планка стояла, она даже не пошевелилась, казалось, она приросла, как ветка к дереву.

От туристов, приезжавших с Запада, мы слышали, что там праздники, подобные празднику Вессига, мало освещались в прессе. Вместо этого писали о мелких стычках по поводу обслуживания, о предвзятом судействе, о том, как кто-то бросался едой в дискотеке олимпийской деревни... Как будто свободная пресса западного мира считала своим долгом принизить Московские игры. В Штатах на показ Олимпиады по телевидению отводилось только три минуты. Редакторы некоторых газет вообще отказались публиковать материалы об Олимпиаде, будто ее и не было.

В результате, это можно сказать определенно, все мы чувствовали себя паршиво. Бойкот ничего не изменил. Он сам себя опозорил, не приведя ни к каким результатам. Никто из американцев не чувствовал себя праведным и самодовольным, кроме тупиц, забывших о Вьетнаме. Бойкот создал смущение, бойкот в очередной раз разобшил американцев. Сегодня утром я завтракал с одной девушкой. Она беспокоилась, как воспримут в Штатах нашу поездку в Москву. «Как вы думаете, они не сочтут меня предательницей?» — все спрашивала она...

Сокращенный перевод с английского
А. ХВОСТОВА

Патент на ДНК

Патриция ЛОМБРОЗО,
итальянская журналистка

Почему не умеет плавать утка, выведенная в британской лаборатории генной инженерии? Почему она тонет в воде как камень? И почему это странное перепончатоплапое существо испытывает необъяснимую симпатию к собакам ньюфаундлендам? Почему бактерия *Pseudomonas aeruginosa*, созданная американским микробиологом Анандой Чакрабарти, питается исключительно нефтью?

Все эти и многие другие загадки ревниво охранялись институтами генной инженерии, но теперь их можно

разгадать, потому что «все новые формы жизни, созданные человеком, подлежат обязательному патентованию». Такое решение принял Верховный суд США. Под охрану попадают все органические виды, сотворенные путем изменения дезоксирибонуклеиновых кислот — ДНК, носителей и передатчиков наследственной информации. Патент будет охранять эти новые виды от «плагиата» и коммерческой эксплуатации конкурентами; поэтому теперь и могут быть обнародованы сведения об их строении и структуре. Такие публикации будут, несомненно, способ-

ствовать научно-техническому прогрессу.

Однако не все так думают: решение Верховного суда, принятое недавно, встретило немало возражений. Критики этого решения утверждают, что применение экономических критериев в одной из самых спорных, особенно в этическом отношении, областей научного исследования «откроет широкую дорогу всякого рода злоупотреблениям в опытах с формами жизни». Фельетонист Рассел Бейкер писал в «Нью-Йорк таймс», что недалеко то время, когда компании «Дженерал моторс» придется отступить в конкуренции с новой транснациональной монополией «Дженерал монстрс» и что охрана общественного порядка будет поручена чудикам типа знаменитого Франкенштейна, всегда повышенно агрессивным (и разумеется, запатентованным). Предвидятся также рекламные объявления вроде «Мои гены лучше твоих».

Компания «Дженерал электрик» обратилась с апелляцией в Верховный суд по поводу отказа федеральных судов признать действительным патент на *Pseudomonas aeruginosa*, бактерию, выведенную путем генных экспериментов в лаборатории, финансируемой этой компанией. В результате «перетасовки» генов в молекуле ДНК получены микроорганизмы, способные поглощать и разрушать углеводороды. Они могут иметь большое практическое применение, например, их можно использовать для очистки вод от нефтепродуктов или для обогащения питательными веществами корма для скота. «Огромное количество этих бактерий можно получить буквально за несколько дней», — объяснил сотрудник лаборатории, — и они не представляют ни малейшей угрозы, поскольку, если лишить их пищи (нефти), они погибают».

Итак, пять из девяти членов Верховного суда признали правоту «Дженерал электрик».

Мы обратились к лауреату Нобелевской премии Джорджу Уолду (Гарвардский университет) с вопросом о том, насколько реаль-

на опасность нового открытия. «По-моему, победу праздновать рано», — ответил он. Создатели *Pseudomonas* торжествуют, указав на некоторые возможности полезного применения новой бактерии, но они забывают, что этот микроорганизм способен уничтожать нефть не только в отходах, но и там, где ее добывают. Представляете, что получится, если в результате несчастного случая или злонамеренно зное количество бактерий будет занесено в нефтяную скважину где-нибудь в Техасе? Вмешательство большого бизнеса в науку вообще представляет собой серьезную угрозу последней, ибо исследование утрачивает научный характер, становится все более и более прикладным, направленным на достижение чисто коммерческих результатов».

Другой нобелевский лауреат, Сальвадор Луриа (Массачусетский технологический институт), разделяет опасения своего коллеги, хотя его и не удивляет вмешательство бизнеса в жизнь науки. «Коммерческие сделки в этой области вовсе не являются чем-то новым», — заявил Луриа в интервью журналу «Эуропа», — и всякие выражения возмущения по этому поводу со стороны ученых мне представляются излишними. Американский капитализм всегда использовал научные достижения в целях наживы, поэтому нет ничего удивительного в том, что у нас не видят разницы между патентом на карандаши и на бактерии с измененным генетическим кодом... Большой бизнес требует от науки одного — прибыли».

Решение Верховного суда дает возможность использовать на практике то, что еще вчера казалось фантастикой. Сегодня это утка, которая не умеет плавать и обожает собак, завтра, может быть, наступит очередь фруктовых деревьев, которые, по словам одного американского еженедельника, будут плодоносить летом, затем сниматься с места и самостоятельно перемещаться туда, где зима теплая, чтобы дать новый урожай.

Перевела с итальянского
Н. БЕЛОКОНЬ

Секунда 25 · 10 · 80

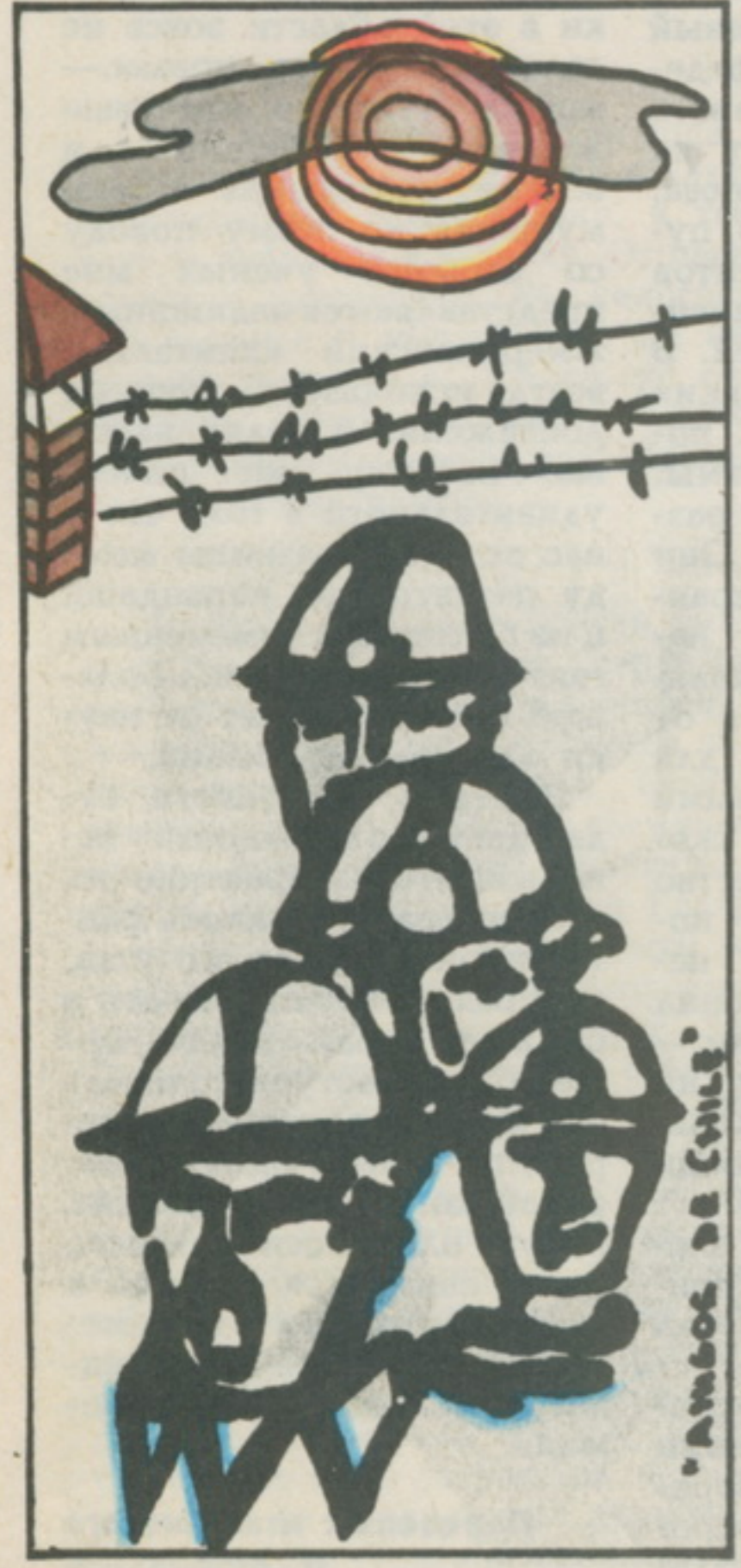
Дорогие советские друзья!
спасибо товарищи!

Большое спасибо вам за ваше письмо, сердечные дружеские мысли, вашей солидарности.
Мы уже получили 267 писем от всех уголков Советского Союза. Вы нам рассказываете о вас, делитесь, делитесь с нами.

НАМ ПИШУТ

В № 9 «Ровесника» за 1980 год мы опубликовали письмо из Чехословакии от живущих ныне в эмиграции молодых патриотов Чили. И потоком хлынули письма в редакцию, и прямо в ЧССР на тот адрес, что был опубликован в журнале. Здесь мы публикуем ответ чилийских друзей на все ваши письма, дорогие читатели:

«Дорогие товарищи! ...Через «Ровесник» мы очень хотим поблагодарить вас, друзья, за ваши письма, за вашу солидарность, за вашу помощь. Мы бы хотели ответить на все письма, которые мы получили, но это невозможно, ведь писем очень много и все время приходят новые, и мы не можем переписываться с таким количеством ребят. Извините нас, пожалуйста... Большое вам спасибо, товарищи!
Члены организации «Amigos de Chile».

«АМИГОС ДЕ ЧИЛЕ»

«ТАНЦЕВАЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ»

Слава выдающегося хореографа Игоря Моисеева вот уже четыре десятилетия неразрывно связана с его детищем — Государственным академическим ансамблем народного танца СССР. Недавняя, шестая по счету, поездка в Италию стала очередным триумфом народного танца советских республик. «Артисты Моисеева за два часа настолько очаровали наших зрителей, — пишет журнал «Эуропа», — что те просто не хотели выходить из зала по окончании спектакля. Это была настоящая танцевальная энциклопедия народной жизни».

О ПОЛЬЗЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Юноши и девушки западногерманского городка Падерборн придумали надежное средство от бумажек, окурков и прочего мусора, груды валявшегося на тротуарах. Однажды утром, купив краску и кисти, они за несколько часов превратили все унылые урны города в веселые «произведения искусства». Теперь вряд ли кто-нибудь, проходя по улице, бросит мусор мимо ярко раскрашенной урны. А социологи говорят, что инициатива молодежи оказалась куда более эффективной, чем многочисленные призывы властей сохранять город в чистоте.

НОВЫЕ РУБЕЖИ СЛУЖБЫ БЫТА

И что ни говорите, а быть Фигаро — задача не из легких. Как он тогда, в Севилье, в том своем веке, со всеми делами справлялся — уму непостижимо. Да еще стричь-брить поспевал...

Фигаро, как известно, прославился своей смекалкой. Возможно, это профессиональное качество: глядите, как ловко устроился нынешний цирюльник из Сан-Франциско. А опыт подружке, что в прачечной работает, передал. Всем польза: и темп обслуживания повышается, и фигуру тем, кто обслуживает, легче сохранить. Может, попробуем!

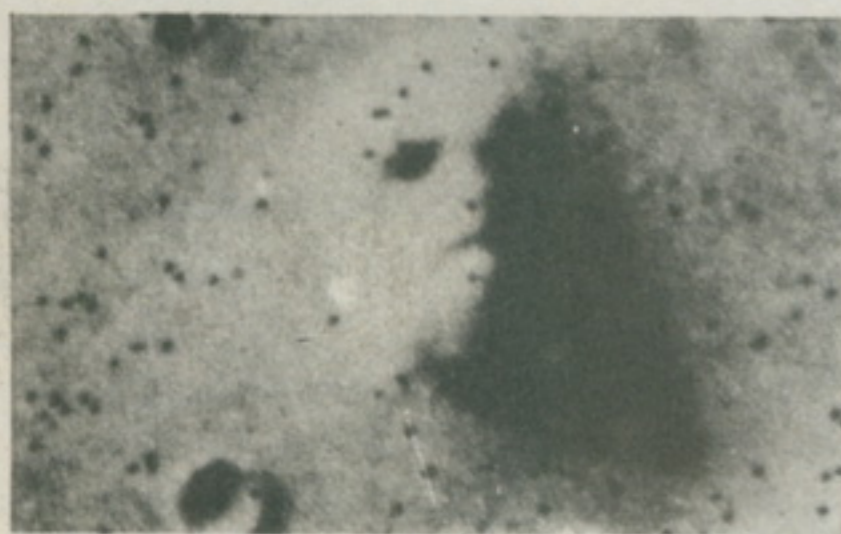

САМОЦВЕТЫ ДЛЯ ГАНСА

Человек, сидящий рядом с огромным 19-килограммовым аквамарином, — бразильский миллионер Ганс Штерн. Он владелец крупнейших шахт по добыче драгоценных камней в Бразилии. Жизнь миллионера полна забот. К примеру, недавно Штерн принял заказ от одной богатой американки, которой понадобилось кольцо с гигантским турмалином, по цвету точно совпадающим с цветом ее нового «кадиллака». Все глубже в землю уходят шурфы старателей, все реже появляются на дне лотков огненно-красные, зеленые, голубые, желтые звездочки — турмалины, изумруды, топазы, аметисты. Все опаснее становится перевозка больших ценностей от районов добычи в резиденцию Штерна. Да и сам Ганс не застрахован от ударов судьбы — будь то конкуренты или просто грабители. Вот и приходится жить в присутствии охранников...

ЯПОНЦЫ, КОГДА ИХ МНОГО

Японец редко бывает один в своей перенаселенной до предела стране. Преимущество такого образа жизни: японец вроде бы не чувствует себя одиноким. Недостаток: японцу трудно побыть одному, даже когда захочется. И что бы японцы ни делали, все приобретает массовый характер: воскресная рыбалка в городских прудах, купание в бассейне, а уж поездка в электричке на работу... Хоть раз в жизни взобраться на Фудзияму — мечта всех японцев. [Каждый год ее осуществляют 250 тысяч человек. Выглядит это как соревнование по альпинизму в национальном масштабе.] А на снимке вы видите всего лишь уголок огромного зала, в котором проходят традиционные соревнования по каллиграфии среди токийских школьников.

МАРСИАНСКИЕ СКАЗКИ...

Странные фотографии доставили на Землю американские космические аппараты «Викинги». На снимках — здания, пирамиды и устремивший взор в марсианское небо фантастический размеров сфинкс. Сторонники посещения нашей планеты пришельцами из других миров считают, конечно, что НЛОнавты побывали и на Марсе. Правда, ученые-астрономы придерживаются совершенно иного мнения. «Сфинкс» на Марсе образован скальными формациями и игрой света и теней.

...И БЫЛЬ О САТУРНЕ

1 миллиард 300 миллионов километров преодолел «Вояджер-1», чтобы сделать снимки, взбудоражившие ученых Земли. Знаменитые кольца Сатурна... Оказалось, они простираются на 300 тысяч километров и представляют собой нечто, напоминающее «круги на воде», а вовсе не сплошные светлые образования, как считалось ранее, и состоят каждое из сотен «колечек». Самые яркие части колец пересекают «спицы» или «пальцы» — о них тоже не знали. Получены данные и о многочисленных спутниках Сатурна. Например, о Титане. Оказалось, что там из атмосферы выпадают дожди жидкого азота. Луки, озера, океаны чистого азота! А в них — айсберги из замерзшего аммиака и метана...

РАЗОРВАННОЕ ВРЕМЯ

У ИСТОКОВ ПОП-МУЗЫКИ

Л. ПЕРЕВЕРЗЕВ

В 1893 году Фред Стоун, малоизвестный композитор из Детройта, штат Мичиган, опубликовал ничем особенным не примечательную песенку, названную им «Ma Ragtime Baby» — первое дошедшее до нас упоминание слова «рэгтайм» в печати. Вслед за тем оно стало все чаще попадаться как в названиях, так и в обозначении темпа фортепианных мелодий, предназначенных прежде всего для танца. Нотные тиражи росли, кэйк-уок все больше входил в моду, спрос на соответствующую музыку увеличивался. Владельцы дансингов, кафе, всевозможных клубов, где собиралась танцующая публика, не желали тратить на нескольких исполнителей и вместо трио или квартета из банджо, скрипки, контрабаса или какого-нибудь духового инструмента — типичного инструментального состава минстрел-шоу — предпочитали нанимать одного пианиста, требуя от него, однако, работы за всех. Пианист старался как мог: левой рукой поддерживал энергичный прыгающий аккомпанемент-метроном «ум-па, ум-па, ум-па, ум-па...», а правой вел нескончаемый вьющийся наигрыш вроде польки с афро-американским акцентом. Акцент заключался в том, что, пуская по четыре ноты на каждое «ум-па», пианист обязательно брал синкопы: предполагаемую сильную долю мелодии ударял слабо и наоборот; а иногда внезапно вообще пропускал одну ноту, вызывая у слушателя ощущение «проваливающегося пола», или же вставлял ее в каком-нибудь совсем неожиданном месте, где-нибудь между «ум» и «па», отчего танцор испытывал некий внутренний толчок как бы от «разрыва» временной последовательности своего движения.

Все это ужасно интриговало аудиторию, дотоле ни с чем похожим не сталкивавшуюся, если не считать спектаклей минстрел-шоу, посещать которые доводилось далеко не всем и где сами зрители не танцевали. В привычной для них музыке, на которой они воспитывались с детства — будь то воскресные хоровые гимны, сентиментальные баллады или чинные салонные танцы, — время текло неторопливо, размеренно, непрерывно, не позволяя себе никаких игривых шуток и вольностей; все доли такта твердо знали, слабые они или сильные, и потому никогда не вступали в спор или состязание ни друг с другом, ни с установленным метром аккомпанемента, которому они беспрекословно подчинялись: каждая всегда оказывалась в нужный момент именно на том месте, которое было ей изначально предопределено, где ее ждали и куда ей обязательно надлежало попасть.

Нехитрые же фокусы синкопирующих пианистов — нарочитые сбои, насмешливые спотыкания и дерзкие разрывы в плавном течении мелодического времени, особенно остро воспринимаемые в сравнении с четким метрономом аккомпанемента, производили на такую аудиторию, судя по всему, сильнейший эффект. Слово «рэгтайм», или (сокращенно) «рэг», быстро вошло в повседневный быт американцев. И не только слово.

В самом деле, время было уже не то, когда блюстители нравов в Массачусетсе или Нью-Гемпшире могли наложить вето на исполнение легкой музыки или устройство танцев в общественных местах. Романист Руперт Хьюз, известный меломан и критик-любитель, чью образованность и тонкий вкус никто не подвергал сомнению, в канун нового века убеж-

денно предсказывал: «Со временем рэгтайм проложит себе дорогу в творчестве какого-нибудь великого гения и после этого будет канонизирован». А в 1901 году прославленная оперная примадонна Эмма Невада, и не где-нибудь, а в Бостоне — цитадели пуританизма, заявила через печать: «Я в восторге от рэгтайма».

Вступая в XX столетие, белые англосаксы протестантского вероисповедания оставляли в XIX веке добродетели, завещанные им отцами-основателями: трудолюбие, бережливость и аскетическое самоограничение — качества, бывшие столь необходимыми в эпоху колонизации, борьбы за независимость и освоения территории страны. Соединенные Штаты выходили теперь на мировую арену могущественной

индустриальной и военно-империалистической державой, только что одержавшей сокрушительную победу над Испанией и отнявшей у нее Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины. Период первоначального накопления закончился, наступила пора первого сбора его плодов. Урожай выдался на диво, во всяком случае, для тех, кто успел отхватить свою долю, экономические выгоды нового положения были очевидны, стремление к наживе не нуждалось более в каких-либо возвышенных оправданиях, религиозное благочестие первопоселенцев Новой Англии уже никак не отвечало аппетитам быстро крепнущего «среднего класса».

Проявлялось это и в музыке, той самой (и в этом были мучительный парадокс, злая ирония и корень конфликта), которая шла от вчерашних рабов, иногда презираемых, иногда ненавидимых, внушавших то страх, то симпатию и даже восхищение, то зависть, то чувство вины и всегда — ощущение проблемы, требующей решения. Но никому не хотелось тогда ломать голову над проблемами. Все считалось раз и навсегда решенным, можно было как следует насладиться жизнью, отыскивая для себя все новые и новые источники удовольствия, и новая промышленность — индустрия развлечений — помогала увидеть свет ряду новых музыкально-художественных идей, ранее либо совсем немислимых, либо прозябавших в глухом подполье.

Одной из таких новинок и был рэгтайм — прямой потомок инструментального сопровождения мин-

стрел-шоу, вначале эстрадный дивертисмент, «пирожное шествие», кэйк-уок, затем модный танец и, наконец, самостоятельный жанр, ставший для определенного круга американцев чертой времени, подготовившего между тем разрушение истин и представлений, казавшихся вечными, незыблемыми и абсолютными. Нельзя, конечно, напрямую связывать развитие искусства с явлениями внехудожественного порядка, но трудно не вспомнить хотя бы те события науки и техники, которые хронологически совпадают с «эпохой рэгтайма», длившейся приблизительно с середины 90-х годов прошлого века до конца первой мировой войны. На протяжении этих лет были открыты, изобретены или созданы: дизель-мотор, кинематограф, рентгеновские лучи, явление радиоактивности, радиотелеграф и радиотелефон, электрон, квантовая теория, утверждающая **прерывность времени и пространства**, специальная теория относительности, летательный аппарат тяжелее воздуха, основы телевидения и многие другие вещи, радикально изменившие характер промышленного производства, транспорта, связи, бытового уклада, мышления, культуры и всего образа жизни людей XX столетия.

Те, кто сочинял, играл, слушал и танцевал рэгтайм, над всем этим, конечно, не задумывались, хотя ветер общих перемен и такие видимые его черты, как, скажем, самодвижущиеся экипажи, аэропланы или возможность разговаривать с человеком, находящимся за тысячи миль, несомненно, бросались в глаза каждому и наверняка нашли какое-то отражение в формах современной этим событиям музыки.

В 1896 году Бен Харни, двадцатичетырехлетний белый пианист из Кентукки, дебютировав в нью-йоркском театре-варьете Тони Пастора, убедил столичную аудиторию, что рэгтайм, дотоле бытовавший только в дансингах, способен стать также и концертным жанром. Год спустя вышла книга Харни «Рэгтайм-инструктор», утверждавшая: рэгтайм есть не особый вид музыки, но особый способ ее исполнения, речь шла о прыгающем аккомпанементе и синкопировании, позволявшем «разорвать» любую мелодию, будь то народная песня или классическая ария, что вскоре и сделалось обычной практикой коммерческих нотных издательств.

Примечательно, что в выступлениях Харни иногда участвовал помощник — чернокожий музыкант Стрэн Хилл. Сидя в зале под видом слушателя и дождавшись момента, когда аудитория взрывалась овациями, он как бы вне себя от возбуждения вскакивал на сцену, бросался к фортепиано и с пиротехническим блеском исполнял якобы спонтанную импровизацию на только что сыгранный номер, отчего публика впадала уже в абсолютное неистовство.

Подлинным основоположником концертного, или «классического», рэгтайма был, однако, не Харни, а негритянский композитор и пианист Том Тэрпин из города Сидэлия, штат Миссури, который выступал главным образом в бесчисленных салунах и кафе Сент-Луиса — быстро разраставшегося и богатевшего города, чье население на исходе XIX века составляло уже более полумиллиона человек. Тэрпин больше всего на свете любил играть, а не сочинять и лишь немногие из своих пьес фиксировал на бумаге. Но даже из того, что было им записано, ясно видно, как под его пальцами и его пером

сплавились в удивительном новом качестве менестрельный кэйк-уок, деревенская полька, городская кадрили и аристократический менуэт, европейские конструктивные принципы и африканская ритмическая энергия. Тэрпин придал рэгтайму классически строгую форму из четырех различных, часто контрастирующих по рисунку и настроению частей, логически сочетающихся друг с другом и образующих законченное композиционное целое. Он оставил совсем мало опубликованных произведений, в их числе «Ragtime Nightmare» и «St. Louis Rag» — по жанру своему танцевальных. Однако его пьесам (как и большинству работ, созданных его учениками и последователями) присуще неизмеримо большее интонационное богатство и структурная сложность, чем это было необходимо с точки зрения подавляющего большинства танцующих в дансингах и что по технической трудности было не под силу среднему пианисту — исполнителю рэгтаймов. Поэтому произведения Тэрпина не столько звучали в концертах, сколько служили образцами для подражания и источниками прямого заимствования со стороны ремесленных изготовителей легкой музыки для массового потребления. Малоизвестный широкой публике Том Тэрпин оказал огромное влияние на группировавшихся вокруг него молодых пианистов-композиторов, в число которых входили Скотт Хэйден и Джеймс Скотт, а позднее — белый музыкант из Нью-Джерси Джозеф Ф. Лэм, — в их творчестве сформировался так называемый «Сент-луисский стиль рэгтайма». Самой же знаменитой и самой трагической фигурой из этого круга был Скотт Джоуплин, автор таких всемирно популярных мелодий, как «Entertainer», «Easy Winners» и «Maple Leaf Rag».

Уже в начале XX века Джоуплин стал задумываться над перспективами развития рэгтайма как самостоятельного художественного течения, несводимого к узким жанровым рамкам. Он был одним из первых композиторов, приступивших к сочинению рэгтаймов не только для фортепиано, но и для инструментального ансамбля, а также для вокалистов и хора. В 1902 году Джоуплин написал «народный» (как называл его сам автор) балет «Танец рэгтайм», за которым последовала рэгтайм-опера «Почетный гость». Чтобы осуществить постановки такого масштаба, нужны были не только немалые деньги, но и высококвалифицированные дирижеры, оркестранты и певцы; между тем профессиональные академические музыканты тех лет либо категорически отвергали рэгтайм, либо не снисходили до него: в результате произведения, создаваемые в расчете как раз на исполнителей высшего класса, не имели никаких шансов увидеть свет. Скотт Джоуплин не сумел добиться сценического воплощения ни одной из своих работ для музыкального театра, включая и его вторую оперу «Тремониша» (названную по имени главной героини — негритянской девушки, стремящейся утвердить свое личное и социальное достоинство перед лицом расовых ограничений); неудачи с ее постановкой композитор уже не смог пережить. К моменту его смерти, в 1917 году, рэгтайм как танцевально-развлекательный жанр окончательно израсходовал весь запас своих художественных ресурсов и, до предела вульгаризированный коммерческими подражателями, перестал привлекать симпатии массовой публики.

Отдельные негритянские музыканты — такие, как

пианист и композитор Джеймс Пи Джонсон, корифей нью-йоркской, точнее «гарлемской», школы рэгтайма, — еще пытались несколько лет подряд взывать к наиболее просвещенным слоям любителей современной музыки, предлагая им свои произведения в жанре рэгтайм-сюит, рэгтайм-концертов и даже рэгтайм-симфоний. Однако что-то уже изменилось во всей художественной атмосфере тех лет, что-то навсегда исчезло, а на его место пришло что-то новое, по сравнению с чем «разорванное время» начала века казалось совсем не «диким» и не «варварским», а бесконечно милым, уютным и добродушным, но, увы, безнадежно старомодным. Эпоха рэгтайма кончилась.

В ретроспективе не так уж трудно увидеть, что судьба рэгтайма была предрешена изначально, и не какими-то внешними обстоятельствами (по воле случая они могли бы сложиться и совсем иначе), но исходными эстетическими предпосылками самого жанра. Ведя свое происхождение от минстрел-шоу, высмеивавшего негра, который старается походить на белого джентльмена, рэгтайм с какого-то момента перестал находить в этом что-либо смешное.

Объяснение причин столь существенной смены оценочных критериев нужно искать в особенностях художественного, да и не только художественного, мировоззрения пионеров рэгтайма. Большинство из них принадлежало к первому поколению американских негров, выросших в атмосфере оптимизма и надежд, порожденных победой северян в Гражданской войне и отменой рабства в Соединенных Штатах. Более того, в числе ничтожно малой группы «цветных» им удалось получить какое-то образование (общее и музыкальное) и подняться в социальном и экономическом отношении на одну-две ступени выше, чем то было доступно миллионам их собратьев по расе. Но они жаждали гораздо большего: быть признанными в качестве полноправных граждан, вносящих свой вклад в общенациональную культуру Америки, которая в их глазах была тогда исключительной прерогативой белых людей. Однако прежде всего им хотелось во что бы то ни стало доказать себе и другим, что они тоже способны обладать всем, чем до сих пор могли и имели право владеть только белые, — начиная от умения элегантно одеваться и вести себя в светском обществе и кончая вершинами музыкально-композиторского профессионализма. Именно такую эмоциональную, социопсихологическую и культурную установку, свойственную тонкой прослойке американских негров — художественно просвещенных, живущих в крупных городах, сравнительно благоустроенных и мысленно уже видящих себя стопроцентными американскими гражданами, — и выражал собою рэгтайм.

Исторический переход от личины к лицу в конкретно-человеческом плане совершался еще весьма ограниченно: он шел от полуфольклорной коллективной безымянности или шутовских псевдонимов к собственному имени, набранному крупным шрифтом на афишах и в нотных изданиях, защищаемому авторским правом; от балаганного шутовства к строгой серьезности, от карикатуры менестрельного «ниггера» к портрету концертирующего артиста. В эстетическом же плане этот переход сталкивался с очевидным противоречием: наивно-идеализирующий свое реальное положение в мире, романтико-сентиментальный по духу и содержанию, рэгтайм провозглашал вместе с тем безоговорочный рацио-

нализм, конструктивность, композиционную завершенность формы. Иными словами, его идейно-художественная направленность оказывалась в гораздо большей степени европейской — и притом «ученой» европейской, — нежели «народной» и африканской, а его пафос был пафосом восхождения от низкой и примитивной неорганизованности к высокой и упорядоченной гармонии. Неизлечимый — и для его творцов трагический — парадокс рэгтайма заключается в том, что для подавляющего большинства белых людей он представлял (во всяком случае, на раннем этапе) нечто диаметрально противоположное: в нем видели — кто с ужасом, кто с восторгом — как раз нисхождение, возвращение к бездне, хаосу, первобытности; освобождение от множества тягостных, мертвящих душу и тело запретов, обязанностей и самоограничений.

Сегодня нам очень нелегко вообразить, с какими именно чувствами люди начала века воспринимали музыку, дошедшую до нас только в «немых» нотных текстах. Сохранилось, однако, несколько лент для пианолы (механического пианино), так называемых piano-rolls, наигранных в начале века крупнейшими виртуозами рэгтайма. Воспроизведенные теперь на долгоиграющих пластинках, они позволяют в какой-то мере ощутить звуковой колорит произведений, вызывавших некогда бурные протесты музыкальной общественности и приравниваемых к «африканским оргиям». Первое впечатление — это растерянность и недоумение.

Вслушиваясь в «Каскады» Джоплина, «Пегас» Скотта или «Американ Бьюти Рэг» Лэма, даже при максимальном напряжении фантазии решительно невозможно понять, откуда у просвещенных, воспитанных и хорошо собою владеющих джентльменов могли возникать некогда подобные ассоциации. Умеренные, даже спокойно-неторопливые, темпы

(Джоплин не уставал указывать в нотах: «Важное предупреждение! Ни в коем случае не играть быстро! Рэгтайм вообще никогда не должен исполняться быстро!»); сдержанно-деликатная, подчас лирически-нежная фразировка; безупречная уравновешенность каждого предложения внутри каждой части и отдельных частей в рамках целого; утонченная, галантно-изысканная орнаментика мелодии и общая структура, заставляющая вспомнить танцевальные сюиты XVII—XVIII веков... Похоже, что авторы этих пьес изо всех сил старались как можно дальше уйти от каких бы то ни было «африканских» корней их музыки, — тенденция, особенно наглядно прослеживаемая при сопоставлении между собой ранних и поздних произведений этого жанра.

Скотт Джоплин и его коллеги, несомненно, стремились «облагородить» рэгтайм, придать ему более высокий культурный статус, ввести в круг «настоящей», то есть европейской, концертной музыки. В Америке эти попытки были с порога отвергнуты академическими кругами как попросту абсурдные и не стоящие даже траты слов на их обсуждение. В Европе к ним были более снисходительны и рассматривали скорее как забавную эксцентрическую новинку; кое-кто из передовых и наиболее смелых композиторов (Игорь Стравинский, например) даже использовал в своих сочинениях отдельные элементы рэгтайма, но принять его всерьез, разумеется, не мог. К началу 20-х годов рэгтайм отошел на периферию популярной музыки и вскоре вообще исчез с ее горизонта. Кэйк-уок был давно забыт, повсюду танцевали шимми и чарльстон, но более всего фокстрот под звуки оркестров, именуемых джаз-бандами. Приставка «рэг», ранее чуть ли не в обязательном порядке добавлявшаяся к названию каждой новой мелодии, также вышла из употребления; вместо нее все чаще встречалось другое слово — The Blues, множественное от blue, что по-английски означает «синий» или «синева», а также «печаль».

«ЧЕЛОВЕК ЭТОТ—ТЫ, ЮРИЙ ГАГАРИН...»

Эти стихи написаны старшеклассниками одной из школ Сан-Марино, маленькой республики на Апеннинском полуострове. Утром 12 апреля 1961 года ученики преподавателя Джузеппе Росси услышали от своего наставника имя Юрия Гагарина и название космического корабля «Восток», на котором советский космонавт совершил героический полет вокруг Земли. Учитель не только поделился с воспитанниками радостным чувством гордости за современ-

ника, открывшего путь в космос, но и предложил выразить в стихах отношение к этому историческому событию.

Джузеппе Росси опубликовал бесхитростные стихи школьников — тоненькую книжку «Поэтическая дань космонавтам». На ее обложке, внизу, где обычно указывается издательство, выпускающее книгу, напечатано: «11-й класс Классического лицея Республики Сан-Марино».

Марио ФОСКИ

«Самочувствие хорошее», —
сегодня утром
в ритме сердца его
билось сердце мира.
«Самочувствие хорошее», —
сообщают по радио, и улыбка
озаряет радостью лица.
«Как самочувствие!» Испокон веков
этот вопрос —
свидетельство доброго отношения —
человек обращал к человеку.

Отсюда, от земных рубежей,
человеческий голос спрашивал:
«Как самочувствие!»
Человек одержал победу,
к которой он стремился веками,
он поднялся превыше горных вершин,
а сегодня утром уверенно
продолжает космический путь.
«Самочувствие хорошее», — сообщают по радио.
Сегодня утром
в ритме сердца его
билось сердце мира.

Где звездный дождь над ночью серебрится,
ищу глазами одинокий след
того, кто, пламенной мечтой согрет,
в просторы беспредельные стремится.

Между бескрайним и конечным нет
границы больше — вековой границы,
которая мешала воплотиться
надежде в жизнь, в победу из побед.

Пусть я не знаю твоего маршрута,
уверен, что недалеко минута,
когда миры, сокрытые вдали,
увидят свет планеты рукотворной,
в которой сочетались труд упорный
и вдохновение детей Земли.

Луиджи БЕРНАРДИ-ФАББРАНИ

Пронзительные позывные
пробивают толщу пространства.
Опьяненный пустыней неба,
подобно неопытному орленку,
ты исчез в вышине,
мелькнув с быстротою молнии
среди золотистых облаков.
Сверкающие нимбы светил
были твоим ореолом
в невероятном полете.
Слава тебе,
что доставил привет землян
дальним мирам.
Склоняюсь почтительно перед тобою,
новый герой:
твоя космическая победа
радостью переполняет сердце.
С трепетом изумленным
ты вглядывался в темную бездну,
где возникали беспокойные звезды
миллионами детских глаз.

Новое переплетается со старым,
возвращая меня
к незапамятным временам, когда
Дедалов сын заслонил
солнце крылатой тенью —
и, оскорбленное дерзкой выходкой,
светило расплавало воск самодельных крыльев,
бросив дерзновенного в море.
Сегодня человек,
оснащенный стальными крылами,
ступил за порог неба,
и светило бессильное смотрит
на героя, устремленного к звездам.
Человек этот — ты, Юрий Гагарин,
озаренный лучами солнца
властелин звездного царства.

Пьеро АББОНДАНЦА

Ты приземлился. Честь тебе и слава,
бесстрашный Космонавт! Ты бросил вызов
непокоренным далям мирозданья,
ты перед нами новые просторы
открыл, помог раздвинуть горизонты
свободы, озарил, согрел надеждой
грядущий день грядущим поколеньям.
Свой подвиг, подвиг нового Икара,
ты совершил во имя человека.
С тобой в полете беспримерном были
вселенная и любящее сердце.